

СМЕРТЬ

ЛЕНРО
АВЕЛЬЦА

КИРИЛЛ
ФОКИН

Ленро Авельц

Кирилл Фокин

Смерть Ленро Авельца

«ВЕБКНИГА»

2021

Фокин К. В.

Смерть Ленро Авельца / К. В. Фокин — «ВЕБКНИГА»,
2021 — (Ленро Авельц)

ISBN 978-5-94-282896-7

Противостояние мирового правительства с городом-государством Шанхаем окончено. Чтобы предотвратить ядерную войну, Организация стёрла мегаполис с лица земли, попутно убив два миллиона человек. Теперь враги Организации переходят в контратаку. Протесты охватывают всю планету. Конфликт с национальными государствами, не желающими подчиняться единому центру, переходит в критическую фазу. На фоне смертельной борьбы между ТНК, террористами, националистами и глобалистами, накануне всемирной гражданской войны – Ленро Авельц, некогда влиятельный политик, ныне ушедший в тень, возобновляет свой поход – за верховной властью над Организацией и всем миром. Он уверен, он – единственный, кто ещё способен спасти Землю и окончательно объединить человечество. Всю жизнь Авельц ждал своего часа: и теперь он пойдёт на всё. Некоторые считают, что даже смерть вряд ли его остановит. Содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-94-282896-7

© Фокин К. В., 2021

© ВЕБКНИГА, 2021

Содержание

Главные действующие лица	6
I. Наследие Джонса	12
1. Гелла Онассис: видеозапись интервью, выдержка	12
2. «ЗАПРЯГАЯ ШТОРМ. ГАБРИЭЛЬ ВИЛЬК»:	17
3. Доктор Бен Хаммид: выдержка из речи на заседании Генассамблеи	23
4. Агент L: выдержка из протокола допроса служащего ОКО.	26
5. Ада Уэллс: размышления о семье Савирисов	31
6. Показания Икримы Савирис: файлы 01–10, выдержки	35
7. Конспект студента: встреча с Ленро Авельцем	39
8. Показания Икримы Савирис: файлы 11–13, выдержки	41
9. Из протокола допроса Агента L	44
10. Ада Уэллс: цена победы Савирисов	45
II. Восточный ветер	49
11. Письмо Ленро Авельца Габриэлю Ю. Вильку	49
12. Протокол встречи Габриэля Вилька с Ленро Авельцем	52
13. Из заявления пресс-службы ТНК «Сан Энерджи»	56
14. Из редакционной статьи в «OST-REVOLT!» / Вероятный автор: Хао Дж. Кирокун	57
15. Служебная записка для генсека Г. Вилька от Ленро Авельца	58
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Кирилл Фокин

Смерть Ленро Авельца

Живите, сколько хотите, и любите, пока живы.
Роберт Э. Хайнлайн

*Как теперь шутят, 11 сентября изменило мир, но Шанхай
развернул его обратно, верно?*
Ленро Авельц

Главные действующие лица

Ленро Авельц* – основатель «Монтичелло»
Моллианда Бо – актриса, жена Ленро Авельца
Авиталь – дочь Моллианды

S-Group

Саид Савирис* – наследник корпорации
Икстрима Савирис* – сестра Саида, совладелица

Срок генерального секретаря Вилька

Габриэль Вильк – генеральный секретарь
Джованни Эспозито* – помощник генерального секретаря по экономике
Гелла Онассис – председатель комитета по социальным реформам Генассамблеи
Керро Торре – президент Лиги Южной Америки

Срок генерального секретаря Торре

Керро Торре – генеральный секретарь
Габриэль Вильк – первый заместитель генерального секретаря
Айра Синглтон – председатель ОКО
Гелла Онассис – вице-спикер Генассамблеи
Тэкера Акияма* – председатель комиссии Азиатского союза по безопасности

Срок генерального секретаря Акиямы

Тэкера Акияма* – генеральный секретарь
Ленро Авельц* – первый заместитель генерального секретаря
Рольф Каде* – начальник канцелярии Авельца
Джованни Эспозито* – заместитель генерального секретаря по экономике
Леопольд Леннер* – председатель ОКО
Гелла Онассис – директор Всемирной организации здравоохранения
Базиль Меро* – председатель военного комитета Генассамблеи

Особый комитет Организации (ОКО)

Генерал Уинстон Уэллс – первый руководитель
Ада Уэллс – дочь генерала Уэллса
Агент L – специалист по Авельцу
Корнелия Францен* – доверенное лицо Авельца

«Фронт Независимости»

Доктор Бен Хаммид – основатель

Зариф Хаммид – старший сын Бена
Гияс Хаммид – младший сын Бена

Книга мёртвых

Энсон Роберт Карт – друг Ленро
Евангелина Карр – возлюбленная Ленро
Преподобный Джонс – международный преступник

* Члены клуба «Монтичелло».

Пять дней назад умер Сартадж Биджарани. Известный благотворитель, гуманист, богослов и толкователь Корана, один из лидеров Исламской лиги Пакистана, реформатор, любимец нации; он умирал долго и мучительно.

Аппарат жизнеобеспечения, к которому подключили Сартаджа в преддверии операции по замене сердца и почек, внезапно вышел из строя. Вместо того чтобы очищать кровь, аппарат принялся превращать её в смертельный яд. По словам врачей, Сартадж испытывал адскую боль. Его парализовало. Он не мог позвать на помощь, не мог даже застонать от боли. Так он и лежал, умирая в муках, пока аппарат, тихо жужжа, разгонял по его телу разъедающий сосуды яд.

Агония продолжалась несколько часов. Никто не посмел потревожить его посреди ночи, тем более что компьютеры фиксировали его состояние как стабильное. Фиксировали до самого утра, пока медсестра не зашла и не дотронулась до него. Он уже остывал. Пульс сохранился лишь на мониторе. Он был мёртв, без всякой надежды. Тело можно заменить – запасные органы готовы, – но яд необратимо разрушил мозг.

В Исламабаде объявили траур; похороны прошли с помпой, и генсек Организации даже прислала своего первого заместителя.

Несмотря на всё отданное ему почтение, сам Сартадж вряд ли обрадовался бы такому исходу. Для человека, который пятьдесят миллионов долларов заплатил за то, чтобы прожить ещё полвека, такой конец, должно быть, выглядел досадным.

Как, вероятно, он молился Аллаху, чтобы тот прервал эту пытку и прислал ангела – хоть бы медсестру – к нему в спальню. Она бы подняла тревогу, выключила машину боли, и если уж спасти не оставалось шансов, ввела бы обезболивающее, и смерть стала бы... чуть легче...

Какое разочарование.

Обложиться техникой, нанять лучших врачей, вырастить новые органы – и засыпать, предвкушая новую жизнь, второй шанс, всё завершить и всё исправить, «всё только начинается»... Поверить, что операцию можно повторить – и повторять вечно. Ждать бессмертия – и знать, что уже оплатил счёт и всего пара недель до того, как ноги снова будут послушны, а сердце и мозг работать, как у двадцатилетнего парня – с опытом и памятью восьмидесятипятилетнего мудреца.

Горько осознать, что мечты и планы рухнули, и из-за чего... Технический сбой, поломка, несчастный случай, за который фирма-производитель выплатит компенсацию, но любой суд её оправдает. Они крупная ТНК и тщательно проверяют свои устройства. Но любой техник, как и любой врач, скажет: нет и быть не может стопроцентной уверенности. Ошибка всегда возможна. Случайность нельзя предусмотреть...

Аппарат, убивший Сартаджа, как и другие устройства, предавшие хозяина и ложью давшие убийце завершить дело, спецслужбы изъяли. Результаты экспертизы не опубликованы, но я знаю, что там. Ошибка в коде. Скачок напряжения. Замыкание. Сбой. Вероятность ноль целых две тысячных... Может, формальное дознание и незначительный ущерб репутации ТНК. Не более. Наследники Сартаджа уже делят имущество, а его заветы теперь воплотят ученики и

сопартийцы; ему самому не видеть ни военных парадов, ни торжествующих толп, ни своего роскошного гарема.

Я думаю, он это понял. Боль была дикая, но он оставался в сознании. И у него было достаточно времени, чтобы успеть отчаяться. Чтобы осознать, где, как и почему он умирает. Почувствовать себя униженным. Взмолить о прощении. И чтобы в угасающем сознании крошечной искрой, перед самым концом, мелькнула мысль – как же странно, что из миллиона возможных поломок случилась именно эта. Как же странно, что одновременно сломались все компьютеры, ведь они должны завопить, но остались немыми... Странно, что они сломались именно сейчас, и не просто отключились, а переписали себе программу: словно это и не случайность, словно у них есть цель – убить, убить Сартаджа Биджарани...

Ни один чиновник не произнёс этих слов, но это очевидно.

Сартаджа убили, потому что случайности, приводящие к смерти столь одиозных фигур, подчиняются не теории вероятности, а финансам врагов. Его смерти желала половина Пакистана и четверть остального мира. Даже если оставить за скобками конкурентов и всех, кого он рассажал по тюрьмам, забыть о «гуманитарных» акциях в Африке и в Индии, где на каждого спасённого его деньгами приходится по десять убитых ради этих денег... Всегда есть паратройка людей, кто ненавидел Сартаджа лично.

И всё же даже среди них трудно найти человека, который, помимо желания убить Сартаджа, обладал бы для этого средствами. У Сартаджа не было иллюзий: особняк охраняли сто человек – и личная охрана, и спецслужбы. А уж за кибербезопасность дома, и в особенности за защиту от взлома таких машин, как аппарат жизнеобеспечения, отвечал сам директор межведомственной разведки. И когда президент заявил, что попыток взлома не зафиксировали, у меня есть основания ему верить.

Конечно, можно предположить, что правительство само решило избавиться от него. Но почему они просто не отключили аппарат? Зачем потребовалось мучить старика, заставляя его страдать несколько часов подряд?.. Это похоже не на заказное убийство. Это больше смахивает на личную месть. Кто-то настолько ненавидел Сартаджа, что хотел не просто убить – замучить до смерти и оставить время это осознать.

Не знаю, как вам, а мне на ум приходит одно имя.

Один человек из всех, кого я знаю, способен на такое. Он один имел и неограниченные ресурсы, и возможность, и – главное – мотив убить Сартаджа особо изысканным способом. Он хотел не просто избавиться от него, а жаждал отомстить за преступление, совершённое давным-давно. Так давно, что все уже трижды забыли, и только он всё помнил и не простил.

Ленро Авельц.

Это настолько на него похоже, что у меня практически нет сомнений. Двадцать с лишним лет назад Ленро Авельц – молодой, только вернувшийся из Москвы, – был назначен председателем комитета Генассамблеи по делам религий. Он сразу заявил о своей позиции в отношении государственного ислама в Пакистане, и спустя три недели его попытались убить. На территорию штаб-квартиры проник боевик мусульманской секты рахибов и трижды выстрелил в Авельца.

Ему не хватило меткости. Два раза он промахнулся, а третьим выстрелом повредил Ленро левую ногу. Боевика застрелили, а Ленро скоро поправился, но после этого случая у него разыгралась паранойя, и с тех пор он нигде не появлялся без целого батальона охраны. (Отчасти этому способствовал мой отец, который убедил Ленро, что его жизнь в опасности.)

Его паранойя то слабела, то усугублялась. Чувство юмора несколько смягчало её эффект: он мог и один выйти на улицу, но боялся не убийц, а приступа панической атаки. Ленро страдал. Ему советовали обратиться к психиатрам, но мне кажется, ему отчасти нравилось своё состояние. Оно вроде как добавляло в его жизнь некоторый экстрим.

И всё же оправиться от того покушения он так и не смог. Выйдя из больницы, он узнал о самоубийстве Евангелины Карр – своей подруги и первой возлюбленной, и последовавший шок окончательно выбил его из колеи.

В своих «Воспоминаниях» он достаточно подробно описывает эти события. Порой острит, но правда состоит в том, что Ленро было очень и очень плохо. Этот шрам остался с ним. Не случайно он попросил моего отца с предельной жёсткостью отнестись к рахибам. Всю секту, а не только её боевое крыло, признали террористической. Даже людей, которые ничего не знали о подпольных акциях и попали в лапы сектантов по глупости, – всех классифицировали как террористов и арестовали. Многих убили при задержании – и больше пострадало невинных, обманутых рахибами, чем настоящих боевиков. Их отправляли в тюрьмы, и никто не предложил им помощи или реабилитации, потому что благодаря просьбе Авельца их рассматривали как соучастников, а не как пострадавших.

После расправы над рахибами все думали, что дело закрыто. Официально заказчиками покушения назвали лидеров секты, но сам Ленро, как выяснилось, придерживался иного мнения. В «Воспоминаниях» он пишет, что настоящим заказчиком покушения являлся Сартадж Биджарани. Тем страннее выглядит ситуация, ведь Ленро неоднократно потом встречался с Сартаджем. С трудом могу поверить, зная Ленро, что он имел хоть какие-то, пусть косвенные, доказательства причастности Сартаджа – и не использовал их в своей войне с Пакистаном.

Ленро упоминает об этих встречах вскользь и замечает, что вынужден был это скрывать, что того требовали его «интересы»... На удивление на него не похоже. Я не обсуждала это с отцом и не знаю, говорит ли он правду. Но угроза, которой он заканчивает рассказ про Сартаджа, звучит недвусмысленно.

И принимая во внимание, каким сложным путём убийца подобрался к Сартаджу и как заставил его страдать, в предсмертных муках перебирая в голове имена врагов, чтобы хоть на секунду вспомнить имя – Ленро Авельц... И ужаснуться не от боли, а от осознания того, что Ленро, спустя столько лет, до тебя дотянулся. Увидеть в темноте, услышать шорох – неужели он здесь, неужели призрак Авельца в этой комнате? И тихий язвительный хохот, и его презрительная ухмылка...

Конечно, имея такой мотив, Ленро мог спланировать убийство. Подкупить не только охрану Сартаджа и медперсонал, но и военную разведку, и само правительство. Такой масштабный план ради столь мелкой цели... Немногие на такое вообще способны.

А Ленро способен. Он бы и сделал.

Я без сомнений назвала бы его убийцей Сартаджа – пусть и подозрительна та часть его мемуаров...

Вот только Ленро Авельц мёртв.

Его убили два с половиной года назад – я, вместе с его женой Моллиандой, лично опознала тело.

Он мёртв. Мёртв, сколь бы невозможным это ни казалось. Как бы ни хотелось мне верить в обратное.

Этот архив собран из трёх источников. Это общедоступная информация из Сети, это интервью для документального фильма, находящегося в работе, и это материалы Особого комитета. Люди, верные моей семье и не забывшие добро, которое им сделал мой отец, помогли и предоставили к ним доступ.

Это моё личное расследование его смерти. Моя личная попытка докопаться до правды, обречённая, наверное, на провал. В этом весь Ленро – с ним никогда нельзя быть уверенной. Даже столь однозначная вещь, как смерть, вызывает сплошные вопросы.

...Когда я вышла из комы, то первое, что увидела – цветы. Фиолетовые, розовые и алые, жёлтые и тёмно-синие – они заполняли всю мою палату, и от обилия пыльцы я закашлялась. Эти цветы, как я узнала от врача, мне прислал Ленро Авельц. Вместе с ними он оставил записку

– не знаю, стоит ли её здесь приводить и имеет ли она отношение к делу. Может, если пойму, что без неё не обойтись... В конце концов, когда дело касается Ленро, никогда не знаешь, что в действительности является важным.

Я любила его. Я любила его раньше, но после того, как чуть не погибла из-за него – а он с предельной (притворной?) честностью сознаётся, что понимал, что рискует моей жизнью, – я его возненавидела. Мне показалась, я совершила ошибку, когда увидела в нём что-то человеческое.

Под кожей рептилии, я думала, скрывается душа. Но я ошиблась. Рептилия есть рептилия, змея сбрасывает кожу, но остаётся змеей. Ленро и глазом не моргнул, когда меня – свою возлюбленную, как сам пишет, – был вынужден использовать, чтобы остановить моего отца. Тогда, очнувшись после шести месяцев комы и едва разобравшись в произошедшем, я возненавидела его.

Но наша недавняя встреча, столь ужасно предшествовавшая его смерти, разбудила воспоминания. Шарм его неискренней улыбки снова опьянил меня. Пока этого не случилось и пока мы не встретились, мне даже стало казаться, что я научилась жить без Ленро Авельца. В мире без Ленро Авельца. Где все мы теперь оказались, и из которого я теперь хочу сбежать. Найти дорогу, хоть маленькую тропинку – назад, в мир с Ленро Авельцем...

Мы склонны идеализировать мёртвых. Боюсь, я впадаю в крайность. Я лучше других знаю, кем был Авельц. И я знаю, что я, возможно, одна из пяти-десяти человек на всей земле, кто помянет Ленро добрым словом. Его ненавидели, его презирали, ему завидовали, его ревновали, ему желали смерти, и всё в таком духе – а он этим наслаждался, купался в ненависти, как другие купаются в обожании.

Что же, Ленро, ты просчитался.

Как случилось, что проиграл тот, кто не проигрывает? Кто не признаёт саму возможность поражения? Как же получилось, друг мой, что тебя нет и мои слова о тебе уйдут в пустоту? Как ты мог ошибиться? Как мог погибнуть? Как ты мог оставить нас?..

Ничего не могу с собой поделать. Последние несколько лет я живу мыслями о нём.

Наверное, всех, кто приближался к нему на опасную дистанцию, Ленро заражал своим безумием. Я тоже подцепила от него эту бациллу, от которой теперь не знаю как избавиться. Да и не хочу избавляться. Ленро не всех подпускал близко, не всем передавал эти флюиды сумасшествия, флюиды какой-то странной, неземной жизни. Кто испытал такое, уже не увидит мир по-старому. И от этого нет лекарства – от лихорадки Авельца нет вакцины. Это смертельная болезнь, и я инфицирована – с первой секунды, как услышала от отца эту фамилию, как впервые увидела его у нас на Сицилии, как он впервые заговорил со мной...

Этот архив – и результат, и процесс моих размышлений. Осколки, что я хочу сохранить. Что-то подсказывает мне: разобраться в этой тайне не удастся. Разве что сам Ленро воскреснет и расскажет, как всё было. Смерть Сартаджа наводит на мысли. Мог Ленро срежиссировать это из могилы? Мог инсценировать смерть? Мог подготовить преемника? Может, я никогда не видела труп, а только двойника, а сам Авельц жив и где-то смеётся над нами?

Жаль, это всё слова. Сколько ни повторишь: «Ленро Авельц жив», – его прах, развеянный над Средиземным морем, не соберётся обратно. Он не восстанет и не отомстит врагам. Он мёртв, и всё, что мне остаётся, – продолжать поиск. Это единственное, что я могу сделать в память о человеке, которого ненавидела и ненавижу ещё больше за то, что он ушёл, а меня бросил здесь.

Ну вот, я договорилась до его собственных слов – в тех же тонах он описывает, как горевал после смерти Евангелины Карр. Длительный и сентиментальный слезливый рассказ в середине «Воспоминаний» – он всегда казался мне одним из наиболее странных мест.

Никогда бы не подумала, что Ленро может так нежно и страстно к кому-то относиться, что его так могла ранить смерть подруги... Не знаю, был ли Ленро честен, когда описывал свои

размышления у её могилы. Может, он просто дурачился, пародировал какой-то из французских любовных романов, кто теперь разберёт?

Ада Уэллс

I. Наследие Джонса

1. Гелла Онассис: видеозапись интервью, выдержка

Вы обещаете, что это никогда не попадёт в Сеть? Я вам не верю. В наше время всё рано или поздно оказывается в Сети. Ладно, главное, чтобы не слишком рано. Люди всё равно это увидят, вам меня не переубедить. Знаете, раз уж вы спросили о Ленро Авельце, то не думайте, что удастся меня провести. (Смеётся.) Я так долго и плотно с ним работала, что... Некоторые уроки не забываются, понимаете, о чём я?

Гелла Онассис сидит, положив ногу на ногу, в беседке на пляже одного из островов своей семьи в Эгейском море. Остров небольшой, хотя обойти его по периметру – понадобится целый день. Здесь Гелла – ныне директор Всемирной организации здравоохранения – проводит непродолжительный отпуск. Смеркается, на пляже ни души, и усилившийся ветер треплет её длинные светлые волосы. На ней зелёная юбка и белая рубашка с вырезом и длинными рукавами. Гелла курит безникотиновые сигареты, одну за другой, и улыбается в камеру. Но она нервничает. Это заметно.

Будем честны: после того как Мирхофф покинул свой пост, Ленро сбежал. Ленро просто сбежал и оставил нас разгребать всё это дерьмо... Нет, поймите правильно, никто из нас не знал, что произошло в том самолёте. Никто не понимал, что и в Шанхае-то произошло, не говоря уже про внезапную отставку Уэллса, Тинкера и Грейма. Официальную версию – что Уэллса хватил приступ и он оставил свои обязанности по этой причине, – никто не принял всерьёз, но... В Организации царил такой хаос, понять что-то было нереально. Как там говорят – 11 сентября изменило мир, а Шанхай изменил его обратно, да? Или Джонс – Джонс изменил его обратно?

Мы безвылазно сидели в штаб-квартире, потому что безостановочно заседал Совбез, и Генассамблея могла потребоваться в любой момент. А потом, когда уже началась горячка, штаб-квартиру перевели на осадное положение, мы едва ли могли разобраться. В этом темпе шли недели. Дни сливались с днями и всё такое... Причём я была уверена, что Ленро находится в штаб-квартире. Он был там с самого начала, я видела его. Потом он пропал, но я думала, что он с нами. Когда мне сказали, что он рванул на Окинаву, я не поверила. В штаб-квартире тогда ходил слух, что его срочно вызвал туда Уэллс. Уж точно я бы поверила в эту историю охотнее, чем в ту пургу, которую он изложил в своих «Воспоминаниях»... Что его друг оказался в беде, и он рванул выручать его.

Простите, но это совершенный бред. Так мог поступить, не знаю, какой-нибудь отважный и глупый человек. Так мог поступить влюблённый. Так могла бы поступить я, если бы там оказался мой ребёнок... Но Ленро Авельц? Увольте. Ленро Авельц – ринуться в пекло, чтобы спасти какого-то друга детства? Пусть он трижды великий философ! Энсон Карт, да? Спятивший писатель, приятель Джонса. Нет уж. Даже если это правда, я отказываюсь в это верить. Кто угодно, только не Ленро. Вы, я, вот эта чайка (указывает куда-то в небо). Кто угодно. Только не Ленро Авельц. Только не тот Ленро Авельц, которого я знала. Может, какой-нибудь другой Ленро Авельц. Не тот, с кем я работала.

Гелла курит, собираясь с мыслями и тихо улыбаясь. Странно, её улыбка напоминает мне улыбку другого человека. Может, правда, что со временем к некоторым людям настолько привыкаешь, что начинаешь копировать их манеру общения? Эти тягучие интонации, эти перепады напряжения, эта улыбка... Эти длинные пальцы с сигаретой и этот чуть застланный дымкой взгляд... Она знает, что говорить. Она похожа на него, как сестра или дочь.

Когда они летели назад – Ленро с Уэллсом, я имею в виду, когда война уже закончилась и Шанхай догорал... Никто и подумать не мог, что будет продолжение. Мирхофф приказал собрать Генассамблею, и мы все ждали, что он скажет. Должен ли он был подать в отставку? Не знаю. У меня нет ответа. Выступал он достойно. Представил себя спасителем мира от ядерной войны. Шанхай представил Третьим рейхом, а себя спасителем мира, к этому у него всегда был талант. А ещё он сказал: «Дайте мне доработать срок». Это был правильный ход. Ему оставались месяцы на посту, и подай он в отставку, это ещё сильнее ударило бы по Организации. А удар и без того был сильный. Оглушающий. Думаю, что даже если бы у Мирхоффа оставался целый срок в должности, уходить не стоило бы. Нужно было выстоять. Удар принять на себя.

(Гелла перестаёт улыбаться и тушит сигарету в пепельнице.)

Конечно, никаким спасителем он не был. Катастрофа, то, что случилось, – результат его просчётов и его ошибок. Но не только его. Несколько решений, да, он лично принял. Неверных решений. Преступных. Но столько же решений принял и Керро Торре. И Люций Грейм. И маршал Редди. И Наблюдательный совет мог бы вмешаться раньше. И всё в таком духе. Это была вина Мирхоффа, это остаётся вина Мирхоффа, но не только его вина. Я хочу, чтобы вы это услышали. Раз уж это не появится в Сети, как вы мне обещали.

Я внимательно прочитала «Воспоминания» Ленро. Вы их читали? Ну, кто сейчас не читал... Помните, сразу после Шанхая Уэллс говорит ему: «Организация была создана с одной-единственной целью. Она должна была этого не допустить. И она не справилась».

Не знаю, это ли Уэллс сказал... (Улыбается.) Мне вообще кажется, в «Воспоминаниях» все персонажи говорят голосом одного человека – голосом Ленро, хотя, может, это у меня личное. Так вот, не уверена, что Уэллс сказал так, но в любом случае это слова точные. Не Мирхофф облажался. Облажалась Организация. Мы все облажались. И вытаскивать одного Мирхоффа или их вдвоём с Керро Торре и заявить, что виноваты вот они, – неправильно, в корне неверно.

Вы понимаете, к чему я клоню? Я считаю, это большая удача, что расследования не было. Потому что, вскрой оно правду, оно бы нас всех похоронило. Организация в те дни и так дышала на ладан, даже если забыть про «сердечный приступ» Уэллса, про странный выезд Торре в аэропорт Либерти, про Авельца, которого вдруг изолировали...

Как только опасность миновала и мы хоть что-то начали понимать, сирены завывали снова. Мирхофф держался хорошо, но вы помните, наверное, какой цирк устроили в Генассамблее представители Южной Америки и Аравийского альянса. Те, кто до начала бомбёжек умолял нас вмешаться, умолял раздавить Джонса... Я имею в виду Азиатский союз. Даже они нас не поддержали, хотя если кто-то персонально и обязан Мирхоффу, то это они.

(Она оглядывается назад, на море, и некоторое время молчит. Камера продолжает статично снимать.)

Этот шлейф тянется за нами последние семнадцать лет. Не надо обманываться – знаете, сейчас многие в руководстве Организации склонны впадать в самообман. Они думают, нынешний всплеск «джонсизма» – это нечто новое. Новый кризис. Но это не так. Это всё тот же старый добрый «джонсизм». Суть в том, что ничего не изменилось. Организация выстояла, но проблема не решена. И новые оппозиционеры, «Регионы», новые сепаратисты – те же самые «джонситы», что кричали: «Руки прочь от Джонса!» – и носили футболки с принтами его очков. Мы до сих пор разгребаем тот же пепел, пепел Шанхая.

(Она замолкает – её что-то спрашивают из-за камеры. На записи звука нет. Гелла кривит губы.)

Нет, ни в коем случае. По крайней мере, не помню, чтобы кто-нибудь такое говорил. Мы понимали, что ситуация тяжёлая. Мы старались работать. И пока ещё был Мирхофф, и позже, когда избрали Вилька и я оказалась в комитете по социальным реформам. Нет, мы не думали, что это продлится так долго. Структурный кризис, конечно же, но всё это болтовня, если не

понимать причины. А причина не в Шанхае. Причина в Организации. Конечно. И поэтому вдвойне, кстати, я кланяюсь Вильку.

Мирхофф ушёл в самый тяжёлый момент. Он подготовил тылы, правда, – например, его секретный договор с Вильком... Ну, сейчас-то о нём все знают. Что вы качаете головой? Генсек Мирхофф, покидая свой пост, с нового генсека Вилька взял обещание, что ни он, ни кто-либо из его команды не подвергнутся судебному преследованию. За Шанхай, разумеется, за что же ещё? Уж не за «Синюю Птицу»... Вы этого не знали? Я считаю, Мирхофф поступил верно. Не в отношении себя, а в отношении Организации, повторяю. Нельзя было позволить популистам её дискредитировать. И разрушить. И Вильк не позволил. Габриэль Вильк принял бразды правления Организацией тогда, когда этот высокий пост, как во времена Французской революции, да, стал реально грозить гильотиной. Он не побоялся взять ответственность на себя. Даже по этому соглашению с Мирхоффом можно понять... Думаете, Габриэль Вильк не понимал, какой шквал критики на него обрушат, когда узнают?..

Знаете, я думаю над вашим вопросом, – был человек, который мог предсказать.

Да, я назову не самую неожиданную фамилию. Ленро Авельц. Он скорее всего понял, чем обернётся Шанхай, в самые первые часы. Я не общалась с ним с тех пор, как он вылетел на Окинаву, и затем где-то полгода... Да и если бы общалась – Ленро, знаете, никогда не был из словоохотливых. Но у него был талант. И уж побывав вблизи от эпицентра катастрофы, он не мог не почувствовать, что всё это продлится не дни и не месяцы.

И вот, я возвращаюсь, с чего начала. Ленро сбежал. Я понимаю, что работать с Мирхоффом после того, что случилось, он бы не стал. И сам Мирхофф ему не доверял, естественно. Да что говорить – единственный в той старой, дошанхайской Организации, кто ему доверял, – это был генерал Уэллс. Я говорю без иронии. Уэллс и я, его заместительница, – вот, нас было двое. Причём уверена, если бы я не была его подчинённой и не работала с ним столько лет...

В общем, не буду рассказывать, как мы познакомились, первую встречу и так далее. Я плохо помню. Но вот слухи, которые о нём ходили... Ещё до того, как он начал работать в Ньюарке. Пока он был правой рукой Уэллса в ОКО и во время миссии в Москве, его называли самым странным из самых талантливых функционеров Организации. Вот так. Когда я узнала, что мне предстоит с ним работать, я получила массу советов. Самый распространённый (*смеётся*) – «не верь ни единому слову». Понимаете? Не верь ни единому слову руководителя.

И не могу сказать, что Ленро обманул ожидания, что я ожидала увидеть эксцентричного гения и лжеца, а получила в итоге разумного и благосклонного шефа. Но у нас были хорошие отношения. Он не стал мне другом... вернее, я ему не стала другом, у него друзей вообще не было. Но я знала, как он относится к другим, и по сравнению с этим, конечно, у нас были доверительные отношения. Я была ему верна – в политическом смысле, – а он никогда меня не подставлял, он помогал мне. Даже зная, что я и без того выполню любое его поручение. Помогал, потому что хорошо ко мне относился. Не слишком вяжется с образом, который сейчас нарисовали, да?..

Но не буду врать, что Авельц был человеком, которому стоило доверять.

Понимаете, главная проблема с Ленро заключалась в том, что никак нельзя было понять, чего он хочет. Даже его «Воспоминания», простите уж, совершенно не вносят ясности. Какие-то моменты – да, проясняют, но всё остальное только больше запутывают. И это, кстати, безусловное доказательство того, что их написал сам Ленро.

Так вот, никогда не было ясно, чего он хочет, всегда фраза оборвана на середине... Как если вы – часть чьего-то плана, но вам не сообщили. Такое чувство вызывал любой разговор с Ленро. Очень неприятно. И если даже я – его верная помощница – испытывала такие трудности с доверием, то что говорить про вышестоящих? Они все пытались использовать Ленро, но одновременно его боялись. И это ещё до Шанхая, до того как он «предал», по его же выражению, своего... своего друга. Уэллса, да? Он его «предал» – он сам так пишет.

Да, он сдал Уэллса Мирхоффу, но представляете, каково после этого было Мирхоффу? Он предпочёл бы, чтобы Ленро исчез. Испарился. Он спас Мирхоффа, но сделал это совершенно внезапно. Не просто неожиданно, а вообще без предпосылок. Не гром среди ясного неба, а упавшая на Землю Венера. Мирхофф был в шоке. Конечно, он бы не стал с ним работать. Это естественно, но и Ленро, думаю, высказался предельно ясно. Они расстались без скандалов, но если мысли Мирхоффа более-менее понятны, то Ленро – как обычно.

А вот в администрации Вилька ему могли найти место. Серьёзное. Дурная репутация опережала его, да и с Вильком у них были давние отношения – они что-то не поделили в Москве. Но несмотря на репутацию, из-за которой Вильк оставил Ленро за бортом...

Понимаете, если бы Ленро Авельц появился в штаб-квартире и заявил генсеку Вильку, что хочет вернуться в команду, я уверена, я даю стопроцентную гарантию, – его бы приняли с распростёртыми объятиями. Вилька во многом упрекают, и справедливо, но он жил реальным миром. Он понимал тяжесть ситуации. И он не разбрасывался людьми. Он ценил профессионалов. Тогда звучали предложения – и они были очень популярны, кстати, – тотальной чистки внутри Организации. Вильк на это не пошёл. Да, он сменил администрацию, но среднее звено... такие, как я, – он опёрся на нас. Независимо от собственных симпатий, он понимал, кто нужен Организации. Профессионалы. И Ленро... В автобиографии он так о нём отзывается, даже не называет имени, «один бойкий поляк», помните?

Организация рассыпалась. Нас били ногами, нас распинали, и в такой момент этот «бойкий поляк» приходит и говорит: «Я беру ответственность». Да он спас нас. Своей решимостью, спас тем, что произнёс эти слова. Первый год был самым сложным. Они хотели изменить Устав, переписать его, всё равно что похоронить все достижения последних лет – Армию Земли, единый образовательный стандарт, полномочия ВОЗ, ОКО... Похоронить, короче, всю Организацию. Со всем хорошим и плохим, похоронить и засыпать землёй. И мы сражались. Мы поняли, мы просто поняли, что последний рубеж проходит по нам. Если мы выстоим, то шанс ещё есть. А если нет, то всё, чего мы добились, чего добился Авельц, кстати, и генерал Уэллс, про которого молчат, а ведь сколько он сделал для безопасности, сколько жизней спас и сколько войн предотвратил...

Знаете, работать на Организацию – это подписать бессрочный контракт с сатаной. Причём я имею в виду, не с сатаной нынешним. Нет, с тем сатаной, который поднял восстание против Бога. В дни ангельской гражданской войны, вот в те дни подписать с ним контракт.

(Гелла делает паузу, пытаясь смягчить эффект от дурацкой аналогии.)

Это тяжело. Ты одновременно и полицейский, и пожарник, и врач, и правозащитник, и психолог, и чёрт знает кто... Всегда тяжело, ситуация всегда критическая. Всегда есть угроза теракта, всегда маячит финансовый кризис, всегда стихийные бедствия, вспышки эпидемий, а зади, высунув язык, пускают слюни журналисты, и коллеги ждут провала.

Никогда не было легко. Всегда тяжело. Но, поверьте, такого года, как после Шанхая, не было. Не война – побоище. Просто резня. Я думала, я сойду с ума. Я была на грани помешательства. Все были. Многие лежали потом в клиниках, многие уволились и зареклись иметь с Организацией дело... Но работу доделали. Я не имею в виду новичков, пришедших с Вильком, я про старую гвардию. Про тех, кто посвятил Организации жизнь. Тех, кто понимал, чего стоит наша работа. Несмотря на грехи Мирхоффа и прочих, мы ведь сделали так много и не могли теперь отдать это шакалам. Мы умирали, но мы делали свою работу, мы стояли насмерть. Организация ведь не свалилась с Луны, правда? Её делали люди. Мирхофф, Торре, Авельц...

И вот где был Ленро Авельц в это время? Прохлаждался у себя во Франции с новой любовницей? Перечитывал Гёте? Строил хитроумные планы? Обдумывал мемуары?..

Позвольте напомнить, Ленро ведь работал на Организацию всю сознательную жизнь, с самого Аббертона. Он и дня не проработал в другом месте. Сначала в комиссии по Армии Земли, потом на войне в Африке, потом лоббизм в Ньюарке, помощник Уэллса, Москва и

наконец – наш комитет по религиям. Организация была его единственным рабочим местом. Она была его единственным домом, его единственной родиной, его единственной национальностью.

Если он и был патриотом чего-то, то Организации, я уверена. Да, у него были непростые отношения с начальством, но – вспомните! – он ведь именно Организацию защищал, когда продал Уэллса Мирхоффу. Потому что верил в неё. Несмотря на все махинации Мирхоффа, всю глупость Торре, все наши врождённые пороки...

По крайней мере, он так пишет. И почему бы ему не поверить? Почему бы нам просто ему не поверить? Не знаю, конечно, может быть, там ещё слой, какой-нибудь страшный и глубокий заговор, секретная игра. Но Уэллс ведь действительно пытался захватить власть. И Ленро действительно его сдал, это не вымысел и не трактовка. Это факт. Почему он так поступил? Я предлагаю, давайте ему поверим. У нас же нет выбора. У нас нет альтернативы, так давайте поверим тому, что Ленро написал?

Я не была внутри его головы, но я знаю, я уверена, что если бы Ленро не верил в Организацию, не верил в то, что она делает, он бы не стал на неё работать. Если бы он не верил в неё, он бы не посвятил ей всю жизнь. А он это сделал. Это тоже факт.

И если с этим мы разобрались, то я повторяю свой вопрос: так где же был Ленро Авельц, когда Организация нуждалась в нём как никогда раньше? В отставке? Да бросьте. Я вас умоляю! В добровольной отставке – в добровольной. Он мог вернуться в любой момент.

Именно тогда, когда он был нужен нам, когда мог вернуться и сражаться вместе с нами... Не знаю, счёл ли он себя преданным... Повторяю, всё, что касается мотивов, остаётся загадкой. Но вот факт – в решающий момент он бросил нас, и это было его решение. Не Мирхоффа, не Вилька. Его решение. Он сбежал. Ленро Авельц сбежал.

2. «ЗАПРЯГАЯ ШТОРМ. ГАБРИЭЛЬ ВИЛЬК»: выдержка из официальной биографии за авторством Ч. Л. Саглама

Генеральный секретарь Габриэль Юлиуш Вильк прибывает на рабочее место. В Нью-Йорке девять утра, и шофёр машины Вилька до последнего не знает, по какому из трёх возможных маршрутов двинется кортеж.

Для нового генерального секретаря это первый рабочий день. Он выходит из гостиницы «Уолдорф-Астория», где живёт последние пять недель, и садится в бронированный лимузин «Буйвол-4 SOL». Внутри машины его ждут два помощника, советник по делам ГА и первый заместитель – исполнительный директор Организации. Он даёт Вильку список назначений на ключевые посты в администрации и сообщает о перестановках в прошедшем ротации Наблюдательном совете, Совбезе и Генеральной Ассамблее. Вильк внимательно читает документы, консультируется с помощниками и ставит подпись.

Тем временем охрана даёт добро, и кортеж начинает движение по маршруту «А1». Вдоль пути следования перекрыто движение, стоят полицейские заграждения и агенты ОКО. С неба ситуацию контролируют беспилотники и два вертолёт. В этот день охрана генсека усилена за счёт Национальной гвардии и Секретной службы США, привлечённых по личному приказу президента Бальдира Санита. Для террористов всего мира генеральный секретарь Габриэль Вильк – цель номер один. На прошлой неделе прогремели взрывы в Лос-Анджелесе, были совершены нападения на здания Организации в Дели, Сеуле, Бейруте, Каире, Эр-Рияде, Сан-Паулу и Рио, а этой ночью в Нью-Йорке Особый комитет задержал тридцать человек, состоявших в группировке «Христовая память» – экстремистской секте «джонситов». Не дремлют и исламские террористы – волнения в Пакистане, в Саудовской Аравии и в Индонезии привели к гибели тысячи человек, среди которых половина – европейцы и американцы. Смертники устроили взрывы в городах Северного Кавказа, и ответственность взяло на себя Исламское государство. В долине Янцзы продолжаются перестрелки, и китайские коммунисты из «Революции-49» выступили с заявлением, что Нью-Йорк будет стёрт с лица земли. На серверы Организации непрерывно ведётся хакерская атака, и главная задача террористов – выяснить точное местонахождение генерального секретаря и его приближённых.

Со временем Вильк переедет в защищённую и особо охраняемую резиденцию на Статен-Айленд, недалеко от штаб-квартиры, и будет, как и его предшественник Мирхофф, летать на работу на вертолёте. Но сейчас его необходимо вывезти из двадцатимиллионного мегаполиса, и служба безопасности делает всё возможное. Угрозы, поступающие в адрес новоизбранного генерального секретаря, исчисляются тысячами, и аналитики с психологами не спят ночами, пытаются отфильтровать сообщения, несущие реальную опасность.

Бронированное покрытие «Буйвола-4 SOL» выдержит прямое попадание ракеты, а полная герметичность салона вкупе с запасами воздуха и воды способны обеспечить выживание пассажира в случае химической или биологической атаки. Компьютер машины полностью автономен и подключён лишь к внутренней, обособленной от Всемирной Сети, системе ОКО. Вероятность того, что кибертеррористы смогут перехватить контроль, равна нулю. <...>

Внутри этой машины, похожей на передвижную крепость, пассажир, самый охраняемый человек на планете, новый лидер человечества – Габриэль Юлиуш Вильк. Он в тёмном костюме, белой рубашке и в фиолетовом галстуке с золотой булавкой, в ботинках из синтетической кожи. Он сидит на краю кресла и не облокачивается на спинку со встроенным массажёром. Он сидит прямо, читает документы и изредка задаёт вопросы подчинённым. На экране – прямая трансляция из зала заседаний Генеральной Ассамблеи, где уже собираются делегаты.

Вильк напряжён – предстоит тяжёлый день, и вовсе не из-за дел службы безопасности с террористами всех мастей. Его беспокоит не скрытая, но явная угроза. Он помнит древнюю пословицу: держи врагов близко, а друзей ещё ближе.

Его избрание стало полной неожиданностью. Несмотря на грандиозный опыт, который он получил во время работы в Европе (секретарь совета министров ЕС, лидер парламентской оппозиции, глава Еврокомиссии), Вильк и сам понимает – в других условиях его победа была бы невозможна. Он полностью отдаёт себе в этом отчёт, вот только не уверен, благодарить ли судьбу за подобное стечение обстоятельств или проклинать. Когда ему предложили стать кандидатом на пост генсека от ЕС – решение приняли задолго до Шанхая, – ему сразу сообщили, что выдвижение носит технический характер. Кандидат от ЕС – Самуэль Мирхофф – возглавлял Организацию последние двенадцать лет, два полных срока, и, согласно уважаемой традиции, на этот раз победить должен кандидат от Азии, Южной Америки или Африки.

Вильк вовсе не собирался покидать Еврокомиссию и оставлять руководство партией, недавно выигравшей выборы в Европарламент. Проблем в Европе хватает, и он даже сомневался, принимать ли ему в этом участие, но с самоустранением США (президент Санит заявил, что «этот раунд Штаты пропустят») он автоматически оказался единственным кандидатом от всего Северного альянса, а это добавило ему авторитета на внутривнутриполитической арене.

Но судьба распорядилась иначе. Всё изменил Шанхай.

Когда начался кризис, Вильк находился в Австрии. Позже я спрашивал его, что он чувствовал в те дни, – и Вильк неизменно отвечал: «Потрясение». Думаю, под этим подпишутся многие. Потрясение. Одно сплошное потрясение.

С самых первых дней стало ясно, что Шанхай внесёт серьёзные коррективы в будущее Организации. Тогда ещё не все понимали, насколько серьёзные, но Вильк сразу начал готовить заявление. Он был в Австрийских Альпах, в своём небольшом домике, где отдыхал, готовясь к заключительному этапу гонки за Ньюарк, которую собирался проиграть. Но Шанхай изменил всё, включая и это его намерение.

Пока весь мир пребывал в оцепенении, а протоколы безопасности оранжевого уровня для руководства Организации до сих пор не отменили и Мирхофф с коллегами парились в бункерах под штаб-квартирой, Вильк созвал пресс-конференцию.

Это произошло на второй день после того, как Шанхай подписал капитуляцию. Джонс мёртв, город в руинах, Сеть вопит, а официальные лица хранят гробовое молчание, игнорируя миллионные акции протеста по всему миру. Началось то, что мы сегодня называем «первой волной джонсизма». На улицы вышли те, кто раньше фанател от Джонса и его тоталитарного режима, но почему-то не решался купить билет и прилететь к своему кумиру. На улицы вышли те, кто верил Джонсу и ненавидел Организацию и теперь не мог поверить, что их идол грозил начать ядерную войну и разбомбить полмира. Этими выступлениями воспользовались политические авантюристы, затрубившие о недопустимости действий Мирхоффа и главкома Редди, о «военных преступлениях» и о необходимости «реформ» в Организации. Реформ вплоть до роспуска.

И вот в это страшное время, когда в воздухе повисло заявление Лиги Южной Америки о выходе из состава Организации, когда Генеральная Ассамблея ещё не собралась на заседание, а Сеть уже требовала голову Мирхоффа и кадры разрушенного Шанхая выжимали из глаз пользователей слёзы, и все враги слетелись, как стервятники...

Габриэль Вильк единственный выступил с заявлением. Он сказал, что Организация, безусловно, нуждается в реформах, однако сейчас важно не поддаваться панике и оценить действия генсека Мирхоффа как верные. «Если бы я оказался на месте Мирхоффа, – сказал Вильк, – то я бы отдал те же самые приказы». Сегодня трудно понять, какой эффект произвела эта принципиальная позиция. Из «технического кандидата» Вильк в один момент оказался фаворитом – и главной надеждой Организации.

Ему пришлось ещё неоднократно разьяснять, в чём заключаются его взгляды. Очень простая мысль: Организация должна жить и работать. Шанхай – суверенный город-государство – избрал себе власть без вмешательства со стороны. Угроза, которую он стал представлять для мира, сомнению не подлежала. Организация пыталась вести переговоры, однако Джонс являлся психически больным человеком и сознательно повёл город в самоубийственную атаку на человечество. Вина целиком и полностью на нём. Да, операцию по принуждению к миру провели жёстко, но пределы допустимого не превышены: не забывайте, речь шла не об умиротворении очага локального конфликта. Джонс применил ядерное оружие. И боеголовки уже стартовали в тот момент, когда Мирхофф приказал начать бомбардировки. Альтернативы просто не существовало.

(Удобная точка зрения, не правда ли? Джонса избрал народ, Организация ни при чём, а тот оказался сумасшедшим, и вести переговоры с ним было нельзя. Ни слова о «Сан Энерджи», о контрактах для ТНК, которые лоббировал Керро Торре, ни слова о взрыве водородной бомбы возле Уханя, о Гонконге, о попытке Джонса шантажировать Организацию...)

В условиях тяжелейшего кризиса, в котором оказалась Организация, эта позиция стала спасательным кругом. И Наблюдательный совет, и Совбез одобрили принятые Мирхоффом решения (не «одобрили», а «приняли» постфактум), но Генеральная Ассамблея раскололась. Сразу после того, как оранжевый протокол отменили, там начались дебаты. Южная Америка на время отложила вопрос выхода из Организации, но требовала проработать механизм выхода и зафиксировать его в Уставе; Азиатский союз призвал к независимому расследованию, а Аравийский альянс выступил с декларацией, осудившей практику «окончательного решения».

(«Окончательное решение» – право генсека/главнокомандующего отдать приказ, который Армия Земли обязана исполнить без обсуждений и без последствий. Данную форму ввели в акт об Армии Земли при участии Ленро Авельца, который противопоставил её праву солдат и офицеров не подчиняться «преступным» приказам. Вряд ли Мирхофф всерьёз беспокоился, что Армия Земли откажется разбомбить Шанхай – скорее, он воспользовался этой формой для ускорения процесса.)

Своими выступлениями перед ГА, отчасти носившими характер оправданий, Мирхофф вызвал огонь на себя: оппозиция переключилась на борьбу за расследование, на выяснение обстоятельств отставки генерала Уинстона Уэллса и смены руководства ОКО, временно забыв про изменение Устава. Тем временем готовилась передача власти: Совбез и Наблюдательный совет единогласно поддержали кандидатуру Вилька *(но не ГА – там Вилька не поддержала половина делегатов)*.

И вот новоизбранный генеральный секретарь прибывает на своё рабочее место в Ньюарк. Его кортеж заезжает на территорию штаб-квартиры и движется к парадному входу в центральное здание – здание Генассамблеи. Обычно машина генсека проезжает на подземную парковку комплекса, откуда он поднимается на специальном лифте сразу к себе в кабинет. Но только не в первый день. В первый день он обязан выйти из машины перед легендарной лестницей здания ГА (на которой и подстрелили в своё время Ленро), подняться по ней, улыбаясь прессе и Сети, пройти сквозь парадные двери и лишь затем, по внутренним переходам, добраться до помещений администрации и занять кабинет.

Вильк уважает эту традицию и, несмотря на укоряющий взгляд начальника охраны, не намерен её нарушать. «Буйвол-4 SOL» останавливается перед лестницей, телохранитель открывает дверь, и Вильк резво выпрыгивает, вытягиваясь во весь рост и слегка жмурясь от яркого солнца. Со всех сторон кружат дроны, лестница полна репортёров, камер и охраны. Вильк – высокий, широкоплечий, в свои пятьдесят восемь лет он сохранил густую светлую шевелюру и обходится без очков – пружинистым шагом идёт вверх по лестнице и улыбается. Он идёт уверенно, и его руки не спрятаны в карманы, а согнуты так, будто он вышел на ринг

и собрался боксировать. *(Саглам пытается провести параллель с Мирхоффом – у того был средний рост, он слегка горбился, держал руки в карманах, носил очки и рано начал лысеть.)*

Вильк заходит в роскошный холл здания, сотрудники уважительно кивают и расступаются перед ним. Он поднимается на третий этаж и проходит мимо дверей зала ГА, где толпятся делегаты – многие не скрывают неодобрительного или скептического отношения к новому генсеку. Вильк приветствует их и идёт мимо – оказывается в северной башне здания, внутри Организации прозванной «Иглой». Там его ожидает лифт. Вильк поднимается на двадцать седьмой этаж, где располагается кабинет, который он займёт на ближайшие шесть лет.

Кабинет генсека на двадцать седьмом этаже «Иглы» не отличается размером, зато из него умопомрачительный вид. В ясную погоду отсюда как на ладони видны и шпили Нью-Йорка, и Аппер-Бэй, и Гудзон. Особенно город красив по вечерам, когда спускается ночь и впиваются в небо столпы света Манхэттена и Джерси-Сити.

Это его рабочий кабинет, и здесь в ближайшие годы он проведёт много времени. Тут его рабочий стол и самый защищённый компьютер в мире, с которого генсек даже не имеет прямого выхода в Сеть. Сюда перенаправляются все сообщения из Кризисного центра, вся секретная документация, все отданные внутри Организации приказы, вся информация, которой она обладает. Рядом стол для совещаний и отдельный стол для секретаря, позади рабочего стола дверь, ведущая к личному лифту и двум комнатам отдыха. Напротив – дверь в приёмную, где внимания Вилька уже ждут просители.

У генсека есть ещё один кабинет – не в «Игле», а в здании Генассамблеи, на третьем этаже, рядом с кабинетом спикера ГА. Парадный, огромный и украшенный. Там нет окон, вместо стен – экраны, четырёхметровые потолки и мраморные колонны, небольшой фонтан и дверь прямо в зал ГА. В этом кабинете генсек по протоколу принимает делегации и почётных гостей, но работать там невозможно. По традиции в первый рабочий день генсек сперва идёт в этот кабинет и устраивает там фотосессию среди мрамора, золота и серебра. Этой традицией Вильк пренебрегает, и мир правильно считывает жест: он пришёл не красоваться – он пришёл работать.

Рабочее кресло Вильку не нравится: слишком мягкое. Вильк предпочитает жёсткое покрытие и никогда не облакачивается на спинку. Выслушав первые доклады и отдав первые распоряжения, он просит дать ему пять минут, а после пригласить заместителей на совещание.

Ему предстоит тяжёлый, очень тяжёлый день.

Сейчас – организационное совещание, которое нужно провести за пятнадцать минут, потому как через двадцать минут начнётся пленарное заседание ГА, а от него ждут беды. «Джонсизм» пустил корни в Организации, и так называемые умеренные джонситы – преимущественно делегаты Южной Америки и Африки – уже заявили, что отвергают саму возможность работать с Вильком как с генсеком. К счастью, их не так много, но есть опасность пострашнее – делегация Аравийского альянса, которая собирается внести предложение об изменении Устава. Это предложение поддержит Азия. Они играют на руку «джонситов», и все это прекрасно понимают, но миллионы протестующих требуют ответа.

Бунтует Сеть, на площадях горят костры, и каждый день в штаб-квартиру приходят сводки, как с полей сражений: за последние двадцать четыре часа убито двадцать полицейских и около сорока гражданских, ранено более трёхсот человек, в Каире применены водомёты и электрошокеры, в Дели убит сотрудник Организации, в Джакарте стихийные митинги... Не все протестующие – «джонситы». После того как стали известны подробности Шанхайской войны, оправдывать и восхвалять Джонса могут лишь радикалы. Движение «джонситов» маргинализировалось, но и заметно расширилось: теперь под лозунгами «Помни Шанхай!», «К суду преступную ООН!» и «Кто сторожит сторожей?» выступают не фанатики Джонса, но все враги глобального порядка.

Что беспокоит Вилька больше всего – национальные правительства готовы пойти им навстречу.

«Джонсизм» воскресил противостояние блоков, которое когда-то подавил Мирхофф. На грядущем заседании стенка на стенку сойдутся сторонники «Центра», т. е. сохранения полномочий Организации, и сторонники «Регионов», выступающие за превращение Организации из исполнительного органа в совещательный. Формально за роспуск Организации не выступает никто: даже Лига Южной Америки больше не собирается выходить из её состава, однако всем понятно, что победа «Регионов» будет означать полное поражение идеи мирового правительства, воплощением которой Организация по плану основателей должна была стать.

Вильк понимает, что он – последняя линия обороны этой идеи. Мирхофф дискредитирован Шанхайской войной и ничего не смог. Теперь от Вилька зависит, жить Организации или умереть. Останется ли она гарантом мира и стабильности или будет немощно созерцать, как мир катится в пучину анархии. Судьбы не тысяч, не миллионов, а миллиардов зависят от того, выстоит ли Вильк в этом бою.

Отступать он не намерен. Быть могильщиком Организации и председательствовать при её распаде он не собирается. Он выйдет на трибуну ГА и огласит свою программу реформ. Умеренных реформ, потому что Вильк считает, что не нужно чинить то, что не сломано. В случае Шанхая были допущены ошибки, но это были ошибки людей, а не системы. Системы, которая сумела в конечном итоге обеспечить безопасность Азии и всего мира, не дала Джонсу начать ядерную войну и подавила его агрессию за считанные дни. Но дело не в Шанхае – враги используют кризис как повод для полномасштабной атаки, силы для которой копили уже давно.

Вильк выступит и кинет им кость – реформу системы представительств, ужесточение ответственности генсека перед Наблюдательным советом, расширение полномочий ГА и ограничения для Особого комитета, который в последние годы (при генерале Уэлсе) аккумулировал слишком большие ресурсы.

Кроме того, Вильк распускает Комитет по вопросам религий и развития, созданный Мирхоффом в начале своего второго срока. Этим комитетом руководил печально известный Ленро Авельц, и его постоянное давление на исламские страны безумно раздражало Азиатский союз и Аравийский альянс. В спокойные годы правления Мирхоффа комитет делал благое дело – боролся за соблюдение прав человека, отмену религиозных законов и против фундаментализма, однако в новых условиях деятельность комитета стала красной тряпкой для «Регионов». Если им требовался пример вмешательства Организации во внутренние дела государств – они вспоминали комитет по религиям.

Комитет мог действовать мягче, но жёсткая позиция лично Л. Авельца сделала из комитета злейшего врага «национальной и религиозной идентичности». Сам Авельц, будучи приближённым генерала Уэлса, не ограничивался принятием резолюцией в ГА и использовал ОКО для своих операций против религиозных объединений и прямого давления на суверенные правительства. В конце срока Мирхоффа против Авельца начали внутреннее расследование: во время переговоров с культистами Бога-Машины в Мехикали он спровоцировал лидера сектантов на массовое самоубийство, которое вошло в историю как «кровавый понедельник». Погибло двадцать пять тысяч человек, и неудивительно, что Наблюдательный совет отстранил Авельца: всем было известно его презрительное отношение к верующим, тем более к культистам. Он вёл переговоры с позиции силы, угрожал и не демонстрировал ни малейшего желания разобраться в ситуации. Расследование позже закрыли, признав Авельца невиновным, но это сделали лишь для того, чтобы не поддерживать кампанию по дискредитации Организации. Вина Авельца была очевидна, и комитетом руководить он больше не мог. А без него комитет превращался в бессильный бюрократический орган – Вильк без сожалений решает распустить его как подарок «Регионам».

Это демонстрация. Собираясь с силами, генсек пускает в глаза врагам пыль, чтобы затем контратаковать. «Контратаковать»... Ему нравится это слово. Он даже повторяет его своим заместителям. Он видит их сомнения, и его первостепенная задача – их вдохновить. Он пришёл победить. Небольшое тактическое отступление – просто военная хитрость. А хитрости ему требовалось много.

Вслед за заседанием ГА в графике Вилька стоит мероприятие не менее важное. На шестнадцатом этаже «Иглы» собирается – впервые в новом составе – Наблюдательный совет Организации. Вильку предстоит убедить его, что жизненно важным является сохранить право «окончательного решения», не допустить посягательств на Устав и сохранить престиж Организации. Он знает, что предыдущий Наблюдательный совет и сам так думал и потому поддержал его кандидатуру. Новый Наблюдательный совет настроен более скептически, и Вильку предстоит проявить чудеса красноречия. «Ничего, – улыбается Габриэль Юлиуш Вильк, поправляя галстук и выходя из кабинета в приёмную, с некоторым удивлением даже наблюдая, какая свита его окружает. – Ничего, не впервой...»

3. Доктор Бен Хаммид: выдержка из речи на заседании Генассамблеи

...Вопреки всему тому, что только что здесь сказал господин генеральный секретарь Вильк, Габриэль Юлиуш Вильк, родившийся в Кракове, бывший в числе первых выпускников Политической академии Аббертона, – ещё один, иными словами, белый человек, выросший в благополучной Европе, который уверяет нас, что понимает и знает наши проблемы. Вопреки всему тому, что он говорит, никто не отказывается от Организации. Я не знаю, что мерещится господину Вильку, выросшему в поместье своих родителей, ни разу в жизни не испытывшему нужды или тяжёлой болезни.

Никто не отказывается от Организации, речь идёт о реформах. Реформах болезненных? Да. Весьма болезненных. Особенно для господина Вилька и его покровителей – других белых людей в руководстве Организации, в руководстве Северного альянса, который сегодня диктует свою волю Организации, который превратил Организацию в институт легализации своих решений – из места, где в первую очередь ценится свобода слова, паритет участников, принцип коллегиальности. Северный альянс, Европа, если точнее, превратила Организацию в свой придаток. Через Организацию они хотят править миром, не считаясь с мнением остальных. Через своих ставленников – таких, как гражданин Израиля Мирхофф, как польский дворянин Вильк, – они хотят создать новое, всемирное дворянство. Они опять хотят править миром, и пока у них получается, при нашем попустительстве.

Позвольте напомнить – Шанхай уничтожили белые люди. И я сейчас не говорю про Мирхоффа и его окружение... Им уготован ад за смерти двух миллионов человек в Шанхае, за геноцид в Китае. Я даже не имею в виду «Сан Энерджи», преступников, совершивших бесчётные преступления против человечества и человечности в Китае. Их совет директоров – белые люди, белые люди и пять японцев, но японцы всегда имели склонность подражать белым людям в вопросах геноцида и истребления «низших рас».

Нет, я не о них. О них я ещё скажу, но сейчас я говорю о Джонсе. О преподобном Джонсе и его людях, о них, признанных сумасшедшими преступниками, которых убили без суда и следствия в Шанхае... Джонс, на котором вина за начало этой войны, Джонс, который своей враждой с Организацией обрёл Шанхай на разрушение доблестными солдатами Армии Земли. Преподобный Джонс – белый человек, европеец, его семья из Португалии... В истории его семьи, если её изучить, мы увидим сто пятьдесят лет жизни в Шанхае, но не найдём ни единого небелого человека. Семья Джонса держалась за свои корни, семья Джонса принимала только белых людей, вот и родился в этой семье расистов, презиравших китайцев, Джонс. Которого с детства учили, что китайцы – недолюди. Унтерменши. Что их стоит массово обращать в христианство, их можно вести на убой, если нужно белому человеку... Для оздоровления белой расы, думал Джонс, можно погубить два миллиона живущих в Шанхае китайцев. Оздоровить белую расу! Предложить альтернативу капитализму, так он говорил, ради того, чтобы белая раса вернулась к корням... Он приглашал в свой город, в город, который сделал своим, всех врагов Организации, и белые люди, белые европейцы и американцы, ехали к нему.

Не выходцы из разорённой Африки, которую Организация искромсала, не жители Южной Америки, которую Организация давит тарифами, – в Шанхай поехали европейцы. Американцы. Кто произнёс главную программную речь Джонса? Помните, кто это был? Философ, писатель, любимец просвещённой Европы, выпускник Аббертона Энсон Карт. Энсон Карт, белый европеец Карт.

Эксперимент Джонса, кровавый, стоил миллионы жизней, но разве белые люди считают жизни цветных?.. Теракт в Оттаве – несколько сотен белых погибло. Мир в трауре. Скорбит

вместе с Канадой. Звёзды Голливуда плачут на камеры, генсек приносит соболезнования, вылетает на место. Трагедия. Сто белых людей погибло. Слёзы на глазах.

То же в Дели. «Пыльца», массовые беспорядки. Гибнут тысячи, тысячи индийцев... Полиция стреляет по гражданским. И что Организация? Особый комитет? Что генерал Уинстон Уэллс, белый англичанин, что он делает? Летит в Индию? Или сидит в своём кабинете в Цюрихе и вяло листает отчёты о жертвах?

Оправданная мера, говорят нам, как и про бомбёжки Шанхая... Оправданная мера. Нет публичных рыданий, нет демонстраций, нет акций в Сети. Мир живёт дальше, как жил дальше во время войны в Африке, как живёт дальше, несмотря на истязаемых каждый день пленников Исламского государства. Живёт дальше, не обращая внимания на геноцид китайцев, осуществляемый «Сан Энерджи», живёт дальше, потому что смерти индийцев, африканцев, китайцев, мусульман, арабов, турок, курдов, латиноамериканцев, ливанцев... это в порядке вещей. Погибать не должны только белые люди, все остальные – расходный материал. Для испытаний оружия, борьбы за финансовые потоки и рынки сбыта, за потребителей и рабочую силу, упражнений в новых формах общественного устройства, генных модификаций... Не на своих детях, воспитанных и сытых, которым после частных школ грозят Гарварды и Аббертоны, не на своих красивых детях они опробовали генные модификации... Они пользовались голодными детьми Африки. Они пользовались китайцами...

Это не империализм. Это не колониализм и не неоколониализм. Это преступление против человечности.

Доктор медицины, инфекционист и почётный профессор Кембриджа Бен Фарух Хаммид лукавит. Яростный оратор, беспартийный депутат ГА от Саудовской Аравии – он стоит на трибуне Генассамблеи, на нём коричневый стюртук до колен. Из накрахмаленного белого воротника поднимается тонкая шея, тщательно выбритая и сполоснутая лосьоном, и короткая чёрная борода клинышком с вкраплениями седины. У него высокие скулы и впалые щеки, густые чёрные брови и почтительная залысина. На глазах – тонкие очки в прямоугольной оправе (не хватало ему только надеть круглые, в подражание известно кому).

Он говорит медленно, никто не посмеет его прервать. С тех пор, как он начал говорить о «белых людях», несколько делегаций – в основном стран Северного альянса – уже покинули зал, но оставшиеся дослушают до конца. Он не в первый раз бичует Организацию, стоя в самом её сердце, но с каждым разом он всё смелее. Имидж Давида, борца с мировым Голиафом, лидера «джонситов» в Генассамблее, он сконструировал тщательно и удачно.

Чего он добивается? Хочет пост генсека через шесть лет? Или, может, даже раньше, если Вильк совершит какую-нибудь глупость и Хаммиду удастся убедить ГА и Совбез влить ему импичмент?

Бен – сокращение вовсе не от Бейсаха или Бейсара. Бен – сокращение от Бенджамина, имени вполне европейского, которым родители нарекли его при рождении. Да, он родился в Гане, чем гордится и не упускает случая об этом упомянуть. Он забывает лишь то, что его отец родился в Осло, а мать – в Бергене. Когда-то предки его матери действительно жили в Сирии, но это было давно. И своей внешностью он обязан генетическим пертурбациям, которые перестанут быть столь очевидны, стоит Хаммиду отказаться от искусственного загара, напускного акцента и якобы «традиционной» одежды и встать рядом с отцом – высоким блондином Эриком Свенссоном.

Бен провёл детство в Гане, в Тамале, где его отец и мать – оба врачи – заведовали гуманитарной миссией. Там небезопасно – и мальчика опекали приставленные к нему няня и вооружённый охранник. Позже семья Свенссонов много путешествовала по миру, и молодой Бен жил во многих местах – от Марокко до Афганистана, но нигде – как местный. Медицине он учился в Стокгольме, а позже стажировался в Балтиморе, в Сан-Франциско, в Лондоне и в Эдинбурге, долго работал в Париже – именно тогда он сменил скандинавскую фамилию

Свенссон на арабскую, материнскую Хаммид. Ещё оставалось принять ислам, но Бенджамин, в девичестве Свенссон, на этот шаг не пошёл и остался убеждённым, хоть и тайным, атеистом.

Он открыл сеть частных клиник в Саудовской Аравии, преподавал в Тегеране и в Дамаске, часто бывал в Южной Африке, особенно во время войны, где учредил фонд помощи пострадавшим и оплатил присутствие более чем двух сотен американских врачей. Предполагаю, Хаммид был одним из тех, кто впервые зафиксировал эболавирус EVZ-11 в Ботсване. И одним из тех, кому запретили оказывать помощь заражённым и выкинули за пределы зоны карантина по личному приказу моего отца. Стало ли применение EVZ-11 военными Анголы, вызванное участием в конфликте войск Северного альянса, поворотной точкой в жизни молодого врача-бизнесмена? Или ещё одним штрихом к биографии, которую Бен себе писал?

Расследование? Сдержки и противовесы? Где же хваленый Наблюдательный совет? Два миллиона погибло, крупнейшей мегаполис стёрт с лица земли... И где ответственные?

Генеральный секретарь Мирхофф, исполнительный директор Торре, главнокомандующий Редди, председатель военного комитета Тинкер, председатель ОКО Уэллс. Если они всё сделали правильно, то им нечего бояться. Пусть отчитаются, пусть экспертиза подтвердит, что полномочия не были превышены, что «окончательное решение» Мирхоффа не было результатом его некомпетентности и страха.

Мы понимаем важность военной тайны. Мы не требуем открыть все архивы. Мы лишь требуем созыва специальной комиссии, комиссии Наблюдательного совета, которая неоднократно созывалась для дел гораздо меньших, ничтожных, можно сказать. Когда во время «кровоавого понедельника» у члена Наблюдательного совета Крейга погибла внучка, то председателя комитета по религиям, Ленро Авельца, сразу сняли с должности и начали расследование. Двадцать пять тысяч человек погибли, а расследование начали, потому что белая внучка немца Крейга, занимавшего пост, оказалась среди них.

Жаль, в Шанхае не оказалось родственников у членов Наблюдательного совета, ведь гибель двух миллионов, чья вина лишь в том, что часть из них на выборах проголосовала за белого человека Джонса, – эта катастрофа, эта трагедия не столь важна, как смерть внучки Крейга, она не стоит расследования. Коррупционные схемы, связи Мирхоффа с «Синей Птицей», с «Сан Энерджи», миссия Торре в Шанхай за четыре года до – ничего не было. Они невинны.

Говорят, авторитет Организации и сама Организация рухнут, если начать расследование, но я считаю, что ничего не стоит авторитет, который стоит на лжи, на презрении. И так не может продолжаться. Это доказал Шанхай, это доказываю я, здесь и сейчас, это доказывает отсутствие расследования. Так не может продолжаться. Кредит доверия к Организации исчерпан, иссяк весь, без остатка. Мировая тирания – вот во что превратилась Организация. Монополия на власть, которую ей когда-то выдали, была использована в дурных целях. Весь мир свидетель. Мы стоим на грани перелома.

И либо Организация изменится, либо она прислушается к нашему зову, зову человечества и примет его. Либо будет разрушена. Не нами, а стихией, возмущением, которое нарастает.

Люди боятся. Страх, что каждого может постичь судьба гражданина, жителя Шанхая, – этот страх силён в людях. Если не отнять монополию на власть у белых людей, если не изменить сам принцип устройства, не изменить Устав, Организация превратится в страшного монстра, который съест сам себя. Он уже ест, уже пожирает и себя, и нас. Чтобы предотвратить хаос, чтобы сохранить Организацию, построить справедливый мир, нужно действовать.

Помни Шанхай! Если мы не будем помнить, то разъярённое человечество нам о нём напомнит...

4. Агент L: выдержка из протокола допроса служащего ОКО.

Имя, возраст, пол – засекречены

– Каковы были ваши обязанности в ОКО в указанный период?

L: Я осуществлял/а координирование всех операций, связанных с Ленро Авельцем.

– Это были ваши единственные обязанности?

L: Нет. У меня было ещё несколько объектов.

– Напишите имена.

L: Пожалуйста.

– Как давно вы служите в ОКО?

L: Следующий вопрос.

– Нас интересует, работали ли вы в структуре ОКО, когда Авельц являлся помощником председателя Уэллса?

L: Авельц никогда не являлся моим формальным руководителем.

– Но Уэллс являлся?

L: Да. Естественно.

– Он прикрепил вас к Авельцу?

L: Нет. Меня прикрепили к Авельцу спустя неделю после его ухода.

– После Шанхайского кризиса.

L: Спустя неделю.

– Каковы были ваши обязанности?

L: Я руководил/а группой, которая его охраняла, осуществлял/а наблюдение, прослушивание, контроль над его данными в Сети и контроль над его личным делом в ОКО.

– Поясните для протокола, почему Авельц находился в списке охраняемых лиц.

L: Позиция Авельца – председатель комитета Генассамблеи по религиям – входила в перечень должностей с усиленной охраной. По протоколам ОКО мы обязаны охранять таких людей после отставки от пяти до десяти лет.

– Опасность была реальной?

L: Да. Количество покушений, попыток покушения на Авельца, пока он находился в должности, было предпринято около семидесяти. Угрозы из Сети, анонимные и открытые, поступали всё время.

– Фундаменталисты?

L: Не только. В должности Авельц угрожал финансовым интересам многих крупнейших международных церквей и конгрегаций. К тому же у него оставались враги со времён службы в руководстве ОКО. За время работы в Организации он собрал огромный букет врагов.

– Когда вас прикрепили к Авельцу, вы получили какие-то особые инструкции?

L: Нет. Только совет подробно изучить его личное дело.

– Его личное дело включало отчёт об отстранении Уэллса?

L: Да, подробный отчёт и протокол допроса Авельца.

– Присутствовал ли протокол допроса самого Уэллса?

L: Нет. Допросить Уэллса тогда не представлялось возможным по медицинским показаниям.

– Был ли допрошен Уэллс впоследствии?

L: Да.

– Уэллс подтвердил показания Авельца?

L: Нет.

– Поясните.

L: Расхождение касалось не фактов, а оценок. Авельц утверждал, что Уэллс собирался захватить власть в Организации, а Уэллс настаивал, что хотел сместить Мирхоффа и после баллотироваться на пост генсека.

– Что ещё?

L: Уэллс предполагал, что Авельц работал на Керро Торре.

– На Керро Торре?

L: Уэллс заявил, что до Шанхая Мирхофф планировал, что Торре после его ухода займёт кресло генсека. Они чувствовали опасность, исходящую от Уэллса, и пообещали Авельцу высокий пост в новой администрации в обмен на шпионаж за ним. Этим, по мнению Уэллса, объясняется его предательство.

– А версия Авельца?

L: Никаких договорённостей. Авельц узнал о плане Уэллса, пришёл в ужас и немедленно решил его остановить. Ещё добавил, что за свои заслуги рассчитывает занять место Уэллса и стать председателем ОКО.

– Он шутил?

L: Неизвестно.

– Но Авельц ведь плохо относился к Керро Торре?

L: А к кому Авельц относился хорошо?

– Отвечайте на вопрос, пожалуйста.

L: С моей точки зрения, между ними не было прямого антагонизма.

– По «Воспоминаниям» Авельца складывается иная картина.

L: Возможно, он хотел создать такое впечатление. С моей точки зрения, повторяю, между ними не было антагонизма. Хотя тёплыми их отношения я не назову.

– Продолжайте о противоречиях в показаниях Уэллса и Авельца.

L: Авельц утверждал, что о плане Уэллса узнал в последний момент, уже на борту самолёта. Уэллс, однако, заявил, что Авельц был одним из архитекторов заговора и именно он подтолкнул его к активным действиям.

– «Активным действиям»?

L: Захватить власть, пока в штаб-квартире действует режим чрезвычайного положения. Уэллс заявил, что сомневался, но Авельц убедил его действовать.

– Есть ли другие доказательства, кроме показаний Уэллса, участия Авельца в заговоре с самого начала?

L: Нет.

– Как, с вашей точки зрения, текст «Воспоминаний» описывает эту ситуацию?

L: Подтверждает версию Авельца.

– Вы полагаете, Авельц – автор?

L: Следующий вопрос.

– Последняя фраза «Воспоминаний», цитирую: «Всё только начиналось». О чём идёт речь?

L: Полагаю, он имеет в виду свою встречу с Саидом Савирисом.

– Когда это случилось?

L: В «Воспоминаниях» точная дата – пять месяцев спустя после Шанхая. Восемнадцать недель после того, как я стал/а его куратором.

– Что произошло?

L: Авельц находился в перуанских Андах, в своём доме в горах Кордильеры-Реаль. Он отдыхал там уже около месяца, один, под нашим наблюдением.

– «Отдыхал»?..

L: Авельц был в плохом психическом состоянии после Шанхая и отставки Уэллса.

– Поясните.

L: На его глазах Армия Земли разбомбила Шанхай, там погиб его друг Энсон Карт и два миллиона человек. Его чуть не убили, когда самолёт Уэллса приземлился в Ньюарк Либерти, и, как он считал, едва не посадили в тюрьму за соучастие или за Мехикали.

– В «Воспоминаниях» он этот период описывает иначе.

L: Не комментирую. Из Нью-Йорка он полетел в Париж, где четырнадцать дней провёл в клинике у своего врача под антидепрессантами.

– Продолжайте.

L: Саид Савирис позвонил Авельцу в Анды и попросил о встрече.

– Они были знакомы?

L: Нет.

– То есть это был их первый контакт?

L: Авельц не знал его лично и не имел дел с его семьёй...

Агент L либо ошибается, либо делает вид, что неправильно понял/а вопрос. Саида Савириса, выпускника Аббертона, Ленро конечно же знал.

Во-первых, даже если они не встречались во время учёбы (Саид учился на пять классов младше), то виделись на приёмах для выпускников.

Во-вторых, семья Савирисов владела крупнейшим транснациональным холдингом Ближнего Востока. Они находились в тесной связи с правительствами стран Аравийского альянса: Саудовской Аравии, ОАЭ, Катара и Йемена, а ещё Ирана, Пакистана, Египта и Судана. Учитывая его отношения с упомянутыми государствами, трудно представить, чтобы Ленро не обратил внимания на эту ТНК.

Наконец, в-третьих, в «Воспоминаниях» Ленро есть такой момент – уже после Мехикали, но ещё до того, как приступить к рассказу о «Синей Птице» (19, «Бог-Машина и „Синяя Птица“»), он отводит абзац описанию встречи, которая у него состоялась в Тайбэе. Там он виделся с представителями некой «крупной ТНК, конкурента „Сан Энерджи“». Они предложили ему сотрудничество, и – «мы ударили по рукам». Подозреваю, он общался с людьми Савириса.

L: ...Савирис согласился на место и время по выбору Авельца и гарантировал конфиденциальность.

– Вы прослушивали разговор?

L: Конечно. Они оба это знали и всё время шутили на эту тему. Авельц обещал ответ послать голубем.

– Он так пошутил?

L: Да. Вероятно, да, он так пошутил.

– Они обсуждали что-то помимо встречи?

L: Нет. Савирис был готов прилететь к Авельцу в Анды, но тот улетал в Вашингтон, и они договорились встретиться через два дня в Париже.

– Что Авельц делал в Вашингтоне?

L: Он приезжал на крестины дочери Корнелии Францен.

– Для протокола...

L: Корнелия Францен – подруга Авельца по Аббертону, на тот момент – советник директора ЦРУ по экономической безопасности. Вышла замуж за бизнесмена датчанина, проживающего в США, и родила дочь. Её называли Мерете. Муж исповедует методизм, и Мерете крестили в церкви на Долли Мэдисон в Лэнгли. Авельц приехал на крестины и исполнил роль крёстного отца.

– Необычная роль для него.

L: Да, муж Корнелии, священник и сам Авельц тоже шутили на эту тему.

– А вы помните даже такие детали?

L: Это работа. Мне продолжать?

– Пожалуйста.

L: Праздничный ужин в отеле «Джефферсон». Там Авельц общался с родителями Корнелии и двумя людьми из упомянутых в «Воспоминаниях» – с конгрессменом Александром Хейбсом и актрисой, его однокурсницей по Аббертону, Моллиандой Бо. Перед тем как уехать в аэропорт, Авельц уединился с Корнелией: она рассказала ему, что президент Бальдир Санит сокращает штат ЦРУ, и в свете её «заслуг», если можно так выразиться, в деле отставки Уэллса ей предложено перейти в североамериканский департамент ОКО. Авельц рекомендовал согласиться.

– И потом он сразу полетел в Париж?

L: Да. Он вылетел из Вашингтона в десять вечера и приземлился в Париже, соответственно, в одиннадцать утра. Из аэропорта он поехал в отель «Георг V», где его уже ждал Саид Савирис. В районе двух часов дня они зашли в переговорную комнату, защищённую от прослушивания, и находились там до восьми вечера. Два раза они прервались на чаепитие и один раз вышли на ланч в ресторан на крыше отеля, но быстро вернулись в переговорную. В районе семи Саид пригласил в переговорную своего адвоката, двух своих директоров и свою сестру – Икриму Савирис.

– Встречу не писали?

L: Нет. Всё, что у нас есть по этой встрече, – показания Икримы.

– Продолжайте.

L: Около восьми Авельц позвонил управляющему своего поместья на Лазурном берегу, недалеко от Канн. Он велел ждать его к ночи и подготовить гостевой дом.

– Он пригласил к себе Саида?

L: Да. Из «Георга V» они сразу поехали в аэропорт, где сели на самолёт Савириса и вскоре приземлились в Мандельё. В гостях у Авельца Савирис пробыл ровно день. Сразу по прибытии они поужинали, а потом удалились в кабинет и продолжили разговор. Всё это время с ними была Икрима. Они разговаривали до трёх часов утра, когда Саид с сестрой ушли в гостевой дом. Следующим утром Авельц зашёл за ними и повёл на экскурсию по поместью: они сыграли шуточную партию в гольф, посмотрели лошадей, прошлись по берегу и позавтракали в саду. После завтрака Икрима отправилась плавать, а Саид с Авельцем снова удалились в кабинет и говорили несколько часов подряд. Около половины пятого они сели обедать – после обеда выпили кофе, и лимузин Авельца отвёз их в аэропорт.

– Они улетели в Париж?

L: Да, в Париж, но оттуда Саид сразу вылетел в Эр-Рияд, а Икрима – в Стамбул.

– За ними следили?

L: За ними следил ближневосточный отдел. Но я запросил/а дублирование информации.

– Авельц остался во Франции?

L: Он остался в поместье, чем обрадовал нашу группу охраны.

– Чего хотели Савирисы от Авельца?

L: Они предложили сделку. Саид и Икрима входили в руководство и владели частью «S-Group», но контролировал корпорацию их дед – Нассеф Савирис. У них возникло расхождение во взглядах на будущее корпорации. Саид и Икрима просили Авельца помочь в захвате полного контроля над корпорацией и устранении Нассефа.

– Что конкретно они просили?

L: На фоне волнений в Аравийском альянсе Савирисы хотели обрушить стоимость своей компании и напугать родственников-совладельцев. Надавить на них, перекупить часть компании, получить контрольный пакет и сместить Нассефа с поста председателя правления. Авельц должен был обеспечить отсутствие вопросов к сделке у финансового регулятора Организации.

– Что требовал Авельц взамен?

L: Получив корпорацию, Савирис обещал пойти войной на «Сан Энерджи» и зачистить от них Южную Азию и Юго-Восточный Китай.

– Авельц хотел этого?

L: Авельц ненавидел «Сан Энерджи».

– В чём состояла выгода Авельца?

L: Это было личное.

– Савирис обещал Авельцу долю в «S-Group»?

L: Нет. Мотивы Авельца изложены в его личном письме генсеку Габриэлю Вильку, оно есть в материалах дела. Кроме того, Савирисы тайно спонсировали оппозицию в Саудовской Аравии, надеясь, что революция нейтрализует старого союзника Нассефа Савириса – короля Фейсала II.

– При чём тут Авельц?

L: Авельц ненавидел монархов Аравии. Все они, кроме эмира Абу-Даби, в своё время отвергли его инициативы по внедрению религиозной свободы на полуострове. В глазах Авельца они стали его личными врагами. И врагами человечества. Любой, кто помогал свергнуть династии аль-Тани, аль-Бу-Саидов или аль-Саудов, для Авельца превращался в друга.

– В «Воспоминаниях» об этом не упоминается.

L: Упоминается. Отдельной главы нет, но несколько раз подчёркивается, что в комитете по религиям борьба с теократиями Ближнего Востока была приоритетом.

– Значит, Авельц согласился на предложение Савириса по «идейным соображениям»?

L: Можно так сказать.

– Что он предпринял?

L: После того как Савирисы улетели из Франции, Авельц принялся обзванивать своих знакомых в экономическом блоке Организации.

– Он отдавал себе отчёт, что его действия можно классифицировать как международный экономический терроризм?

L: Полагаю, да.

– Можете рассказать о «Монтичелло»?

L: Об усадьбе Томаса Джефферсона?

(Шутка засчитана, агент L, кем бы ты ни был/а, у тебя есть чувство юмора.)

– Нет.

L: Следующий вопрос.

5. Ада Уэллс: размышления о семье Савирисов

Саид и его сестра Икрима происходят из очень старой и очень богатой семьи. Их предок основал в Египте строительную корпорацию ещё в конце XX века. Со временем их бизнес сильно диверсифицировался: потомки основателя династии, Осни Савириса, инвестировали в спорт, в информационные технологии, в машиностроение, в альтернативную и углеводородную энергетику.

Из-за экологической катастрофы во внутреннем Китае Савирисы потеряли больше половины состояния, основой которого оставался реальный сектор. Изменения климата, политическая турбулентность, падение фондовых рынков, мировая безработица привели к созданию Северного альянса с общими вооружёнными силами и наделили Организацию широкими полномочиями. Многие из Савирисов тогда эмигрировали на север: в Европу, Америку или Россию.

Восстанавливать семейное предприятие выпало Нассефу Савирису – он провёл реструктуризацию активов, создал холдинг «S-Group» и занялся сельским хозяйством на расцветших теперь равнинах Северной Африки, ирригацией и доставкой водных ресурсов в страдающие от засухи регионы. Он вложил в добычу гидроминеральных ископаемых на Аравийском полуострове, а длинные инвестиции направил в биотех. Спустя несколько лет грянула «генная революция» (на гребне которой, кстати, разбогател отец Ленро Авельца), и Нассеф не только вернул, но и приумножил состояние семьи.

В отличие от других ТНК, выросших в симбиозе с международными институтами (как, например, «Сан Энерджи»), Нассеф сросся с национальными правительствами: монаршие семьи Аравийского альянса поддерживали «S-Group» протекционистскими мерами, несмотря на возражения Организации, и вырастили себе послушную монополию. «S-Group» обеспечивала питанием, водой и электроснабжением половину Аравийского полуострова, треть Египта, четверть Судана, Ливии и Эфиопии. Штаб-квартиру Нассеф перенёс в Эр-Рияд.

Саид и Икрима были детьми старшего сына и наследника Нассефа. Он погиб в возрасте сорока девяти лет – разбился в аварии, после чего ему срочно потребовалась пересадка печени. Печень нашли, но тело отвергло донорский орган, и он скончался.

Это случилось за пять лет до того, как Саид вышел на связь с Авельцем. За эти годы Нассеф постепенно делегировал внуку и внучке всё больше и больше полномочий в корпорации: Саид управлял транспортными компаниями и сельским хозяйством, а Икрима руководила медийными активами и перспективными проектами в биотехе и энергетике.

Судя по всему, Нассеф их любил и выделял из остальной семьи: из всех детей и внуков только Саид и Икрима учились в Аббертоне, правда, Икрима не выдержала и отчислилась на предпоследнем курсе (завершила учёбу в Эдинбурге), а вот Саид доучился и заслужил лестные отзывы педагогов.

Я смотрю на его фотографию: он среднего роста, с узкими плечами, с длинными, зачёсанными назад чёрными волосами; у него тонкие губы, вытянутый подбородок и щетина. В тёмных глазах энергия и мудрость. Этим он мне кое-кого напоминает, но этот кто-то редко улыбался искренне, а вот Саид смеётся, и смеётся от души. Это его последняя фотография, она сделана за несколько дней до его смерти. Здесь ему сорок шесть, но выглядит он моложе.

Глядя на эту фотографию, я вдруг понимаю, почему Ленро стал ему близким другом.

Он похож на Энсона Карта. Обаятелен, притягателен, остроумен, но – в отличие от Карта – ещё и лукав, таит в себе загадку, и этим похож на самого Ленро. Я никогда не видела его живьём, но мне почему-то кажется, что и манерой разговора они тоже похожи. Только, в отличие от скрытного Ленро, обожавшего строить из себя непонятное, Саид выглядит открытым собеседнику.

Тот факт, что в первый же день личного знакомства Ленро пригласил его к себе домой, может объяснить многое. Я дорого бы дала за то, чтобы увидеть, как они общались в его кабинете на вилле, пока за двустворчатыми окнами солнце опускалось в море. (Кабинет раньше принадлежал отцу Ленро, и на стене там висит его большой фотопортрет – по крайней мере, висел, когда я бывала там.)

Не знаю, кто кого обольстил, – а может, обольщением там занималась Икрима, – но то, что название «Монтичелло» возникло в сознании Ленро уже тогда, на следующий день после визита в отель «Джефферсон» в Вашингтоне, кажется мне бесспорным. Они ещё не доверяют друг другу так, как будут после Каира, но Саид уже вдохновлён его личностью, а Ленро вдохновлён тем, что Саид предлагает.

Ленро всегда ценил масштаб. В отношениях между людьми, в политике, в планировании. Он признавался мне как-то, что именно мелочность больше всего раздражает его в Организации: её руководство пытается что-то сделать, говорил он, пытается, но не мыслит масштабно. Не включает воображение, думает о завтра и сегодня, а должно мыслить поколениями, проектировать будущее, а не подстраиваться под него.

В его «Воспоминаниях», кстати, есть об этом (12, «Так говорил Авельц»):

«...его [Мирхоффа] политика казалась мне слишком скользкой и мелкой. Мне казалось, генеральный секретарь Организации должен заниматься чем-то ещё кроме интриг, поиска компромиссов, посредничества и кадровой политики. Генсек моей мечты был не политиканом, генсек моей мечты был правителем – разумным, демократичным, но достаточно авторитарным, способным идти на риск и ускорять развитие Земли».

Вот. Вот кого Ленро хотел видеть вокруг. Вот кем он себя воображал.

Неудивительно, что сразу после Шанхая и «тихого восстания», увидев темнейшую сторону Организации и терзаясь, не совершил ли он ошибку, сдав моего отца, когда появился Саид и буквально с порога заявил: «Соглашайся, и мы изменим мир – начнём с революции в Аравии и убийства „Сан Энерджи“», – Ленро влюбился в него с первого взгляда...

Ну или нет. Не влюбился, а увидел в нём инструмент для победы в матче-реванше за Ньюарк.

Жаль, что в «Воспоминаниях» Ленро не написал ни слова про Саида и его сестру – если бы этот текст продолжился хотя бы до событий в Каире, очень многое прояснилось. Характеристика, которую Ленро мог дать Саиду, была бы показательна. Вряд ли, конечно, она была бы честной, но из мурлыкания тоже можно кое-что понять.

Я, например, уверена в том, что в их отношениях присутствовала нотка гомосексуальной любви. Это невозможно подтвердить или доказать: сама я неоднократно занималась с Ленро сексом и могу сказать, что в период наших отношений он никогда не проявлял гомосексуального интереса. Возможно, он и был скрытым бисексуалом, но в этом я тоже сомневаюсь – Ленро был не из тех, кто стал бы это скрывать.

И всё же нечто гомосексуальное в их отношениях с Саидом было – не в плане постели, хотя Саид никогда не был женат и с женщинами замечен не был, но нет... в другом смысле.

Ленро бы высмеял меня за такую аналогию, но здесь она будет кстати – как вы можете помнить из мемуаров, он очень любил античный мир, Рим и Грецию. Не сомневайтесь, он лгал и видоизменял правду по своему усмотрению, но тут, в вопросе любви к античности, свидетельствую, он был абсолютно честен.

Он обожал этот древний мир. Думаю, дело здесь в том, что сведения об античных Риме и Греции до нас дошли в большей степени через литературные произведения: мы знаем Грецию по Гомеру, Ксенофону, Аристотелю, Фукидиду и Аристофану, мы знаем Рим по Полибию, Титу Ливию, Диодору, Светонию, Тациту и Петронию Арбитру.

Недостаток сведений и неизбежная мифологизация, искажения, порой осознанные, пропагандистские, а порой неожиданные, стилистические, художественные, родившиеся из оча-

рования героев (вспомните Плутарха), – всё это нравилось Ленро. Никакой скуки, мелочности, свойственных истории нового времени, – с обилием источников, статистикой, документами. Только Личности с большой буквы, только красивые истории, только чистая трагедия – вот это Ленро обожал. . . И вот, я вспоминаю, что древние греки считали, что настоящей глубины отношения возможны только между мужчинами. Женщине не понять, что чувствуют друзья-воины, идущие вместе сражаться. Женщина не может разделить тонкой интеллектуальной игры, которую ведут между собой эстеты и поэты, разделяя не только мысли, но и ложе. Женщина не будет частью тех отношений высшей интимности, возникающей между юным красавцем и наставником – отчасти поклонником, отчасти учителем.

Мне кажется, нечто подобное в своём сексизме разделял (или хотел разделять) Ленро – «чистое» чувство к себе подобному: не физическое влечение, а некую духовную связь. Ленро всегда чувствовал себя особенным – и родственную душу ему трудно было найти даже среди особей своего пола, что и говорить про чужой.

Наверное, я зря сказала «гомосексуальность».

Никакой любовью, гомосексуальной или нет, между Саидом и Ленро и не пахло. У Ленро вообще были напряжённые отношения с человеческой эмпатией, не говоря уже о любви, а свои страсти он всегда держал при себе. Но я не думаю, что их отношения с Саидом можно описать обычной «дружбой».

Меня на эту мысль навёл, как ни странно, сам Ленро – когда я читала его мемуары, те части, которые посвящены Энсону Карту и, да, это правда, моему отцу – Уинстону Уэллсу. И там, и там у Ленро проскальзывают гомосексуальные намёки – его восхищение моим отцом, его фигурой, даже телом, восхищение, которое граничит с обожанием. . . Он говорит, что «генерал Уэллс» был единственным человеком, кого он уважал и кому по-настоящему был верен, – врёт, конечно, но себя не обманешь. Он специально кривляется, преувеличивает, расписывая, какой генерал Уэллс красивый, мужественный и волевой мужчина, словно начинает пародировать сам себя, будто хочет скрыть, что такие чувства действительно испытывал.

То же касается и Энсона Карта. И хотя Энсон появляется в его рассказе лишь следом за подробным и трогательным (кто бы мог подумать) плачем по ушедшей возлюбленной, на разбирательство с ним отводится почти столько же места, сколько на почившую Евангелину Карр.

Ленро постоянно подчёркивает, какой красивый был Энсон, какой умный и какой талантливый и как ему хотелось быть на него похожим. Поневоле задумываешься, нет ли здесь двойного дна. Или тройного. Да и последний акт, когда Ленро сломя голову бросается в Шанхай, который с минуты на минуту начнут бомбить, чтобы спасти друга детства. . . Гелла Онассис права, когда говорит, насколько сомнительным выглядит этот эпизод.

Ленро Авельц – эгоист, параноик, агорафоб и трус, гордящийся своей трусостью. И до Шанхая, и после Ленро неоднократно случалось жертвовать дорогими людьми (и да, я лелею надежду, что была ему дорога, когда сама оказалась «побочным ущербом»).

Подумать только, из безопасного Нью-Йорка рвануть на фронт, прямо на линию обстрела и в тыл врага, без оружия, по «велению сердца», из желания «спасти друга» (которого не видел четыре года, а до этого – десять лет), особенно если учесть, что «друг» по своей воле перешёл на сторону Джонса. Безумие.

Права Гелла – кто угодно, только не Ленро Авельц. Я бы сочла это смехотворной выдумкой, только и всего, но Ленро действительно побывал в Шанхае накануне войны. Если бы не факты, я бы не поверила, но факты есть: Ленро улетел из Нью-Йорка на арендованном «гольф-стриме», приземлился на Окинаве, на военной базе сел в транспортник и оказался на авианосце Армии Земли. Там он встретил отца, и отец нашёл ему пилота и вертолёт – Шанхай согласился принять Ленро, и он летал туда и действительно пробыл там несколько часов и вернулся обратно. Без Энсона Карта.

Если верить Ленро – а я очень, очень хочу ему верить, – то напрашивается одно объяснение. Такие поступки не совершают ради друзей, покинутых десять лет назад, – такие поступки совершают ради возлюбленных. Может, Ленро не признавался в этом себе сам, но я тешу себя надеждой, что порой текст говорит больше, чем хочет автор. Может быть. А может, это очередная игра – с другой стороны, ведь Ленро почти не рефлексировал о смерти Энсона, хотя казалось бы... Энсон является ему в виде галлюцинации в туалете самолёта отца, когда Ленро принимает решение предать, и в их разговоре трудно найти гомосексуальный подтекст (разве что сигарета Энсона), наоборот, он подчёркнуто ясен и театрален.

Мои размышления о возможной гомосексуальности Ленро – не более чем пунктир, который я провожу в попытке лучше понять его мотивы. Допускаю, что это полная чушь. Но почему-то кажется, что имей мы продолжение воспоминаний Ленро, где он описывает Саида, мы бы прочитали нечто очень похожее на описание Энсона Карта.

6. Показания Икримы Савирис: файлы 01–10, выдержки

01. Ленро Авельц убил моего брата. Я не испытываю к нему ничего, кроме ненависти. Я буду счастлива, если мои слова помогут осудить его. Он должен ответить перед судом. Не перед моей семьёй, а перед всем человечеством. Я вздрагиваю, когда задумываюсь, сколько людей погубила его психопатия. Я верю, что однажды мы увидим его в наручниках. Счастливым днём для миллионов людей наступит, когда ему введут смертельную дозу барбитуратов.

Уверена, у новой Организации и у нашего нового генсека, у Тэкеры Акиямы и её команды хватит политической воли сделать то, что необходимо. <...>

02. Я привыкла иметь дело с обманщиками и лжецами. Для моей семьи ложь, обман и предательство в порядке вещей. Мы с Саидом выросли среди них. В наследственной, глубоко традиционной семейной паранойе. Когда многие поколения сохраняют одно из крупнейших состояний мира – избежать ревности, зависти, недоверия, предательства и даже заказных убийств невозможно. <...>

Мы не питали ненависти к нашему деду, Нассефу Савирису. Отец его не любил, но эти причины лежали в детстве, я думаю, они понятны и так. Старший ребёнок – отец родился, когда дед сам был ещё молод. Отец конфликтовал с ним, но, несмотря на споры, у них был принцип: они оставались честны друг с другом. Поэтому Нассеф считал отца наследником. Братья и сёстры отца ему завидовали. И нам, его детям, тоже. Нас настраивали против отца – и наши родственники, и даже сам Нассеф.

Особенно в раннем детстве, во время наших с дедом долгих совместных прогулок по садам дома в Эр-Рияде, Нассеф часто жаловался нам на отца. Я не поддавалась, а вот Саид был восприимчив. Он ругался с отцом и принимал сторону Нассефа в спорах. Вообще, у нас с Нассефом установилась особая связь. Это Нассеф настоял, чтобы мы учились в Аббертоне – а отец не хотел нас отпускать. Мы были благодарны деду: годы, проведённые в Аббертоне, мы вспоминали как счастливые... возможно потому, что провели их вдали от семьи.

<...> Но мы с рождения знали, что делом нашей жизни будет «S-Group». Отец порой интересовался, осознаём ли мы, что у нас есть выбор, и мы согласно кивали; но выбора у нас не было. Мы не видели для себя иного пути. Даже в Аббертоне, вдали от дома, мы идентифицировали себя не со страной, а с компанией. <...>

03. Не знаю, была ли гибель отца несчастным случаем. В тот день в Сане митинговали рабочие принадлежавшей нам «Факихи-Йемен», и отец поехал разбираться. За рулём машины был не его водитель, его в тот день сменил человек из офиса Нассефа. Он выжил в аварии, Нассеф выплатил ему компенсацию и уволил, но как только Саид захотел встретиться с ним, его внезапно нашли мёртвым – якобы бытовая ссора. Отцу требовалась печень – в Сане нашёлся донор, но Нассеф не доверял местным врачам и прислал своих специалистов из Эр-Рияда. Пока они летели, прошло время. Пока сделали новое заключение, прошло ещё больше времени.

Наконец врачи Нассефа – из королевской медицинской службы саудитов – нашли печень в одной из клиник «ХамМед» («Хам» – сокращение от «Хаммид»). Её срочно доставили в Сану, тем же бортом к отцу летела я. Саид находился на переговорах в Триполи. Но мы были уверены, что отцу ничего не грозит: он пережил аварию, а пересадка – достаточно рутинная операция. Тем более, орган есть... и он не подошёл. Отец скончался спустя сорок восемь минут, в жутких мучениях. Я видела. И я подозреваю, что в донорском органе содержался яд. Они просто пересадили ему отравленный орган, который его убил, – это было не простое отторжение. У него сразу началась лихорадка, врачи замечались, потом решили извлечь печень, но главный сказал, что слишком опасно, и тогда они стали бомбардировать его иммуносупрессорами. Я думаю, орган был заражён. <...> Он скончался в судорогах. <...>

Я сопровождала тело в Эр-Рияд, я готовила его к похоронам. Нассеф объявил траур в семье, и я, если отца убили, не стану торопиться с выводами и подозревать его первым. У нас, как я и сказала, было достаточно пауков в семье. <...>

Но после смерти отца мы с Саидом поговорили начистоту. Впервые после Аббертона – откровенно. Мы задали друг другу главный вопрос: теперь, когда нет отца, куда дальше пойдёт «S-Group»? И кто её поведёт? <...>

04. Саид считал, Нассеф ведёт компанию в тупик. <...>

Как и отец, Саид видел «S-Group» не просто ТНК, а международным актором, частью глобального порядка, частью системы, которую строит Организация. Огромной ТНК, раскинувшейся на шесть континентов, способной влиять на мировую политику и менять её, а не работать кошельком для саудитов. <...>

Нассеф – видимо, сказывался возраст и память о беспокойных временах – не верил в Организацию и глобальный порядок. В его представлении Аравийский альянс был кораблём, на котором мы шли сквозь шторм. За него нужно держаться, за землю, окопаться в реальном секторе, сидеть на финансовых потоках теократий и защищать стабильное будущее. <...> Он тормозил развитие компании, он считал, что новый кризис очень скоро покончит с Организацией, и не хотел, как он выражался, «садиться на „Титаник“».

А Саид мыслил эпохами. Да, это всё Аббертон, наш родной дом, где требовали такого «глобального мышления», требовали «проектов». Саид хотел возвести новые города в песках Аравии, примирить евреев и арабов, в Сахаре построить космодромы... Он хотел проникнуть в Китай – свергнуть господство «Сан Энерджи», забрать себе проект «Лазарь» и восстановить экосистему <...>.

Увеличить оборот компании на десять процентов – не цель в его понимании. Какой смысл, имея пятьдесят миллиардов, стать богаче на пять? Восстановить Китай, спасти миллиард человек – вот задача для семьи Савирис!..

05. Саид вышел на Ленро Авельца в спокойное время, ещё до Шанхая.

Он тогда руководил комитетом по религиям в Генассамблее. Говорили, он близок к шефу ОКО, генералу Уэллсу. Считалось, Авельц лоялен к нему, а не к генсеку Мирхоффу. Ходили слухи – правда, неподтверждённые, – что отношения Авельца и Уэллса выходят за рамки рабочих, что они близкие друзья и что Авельц женится на дочери Уэллса. Предполагали, что если выборы генсека выиграет преемник Мирхоффа, то в новой администрации Авельца ждёт высокий кабинет.

Отчасти Саид решил завязать с ним отношения по этой причине. Но были и другие.

Во-первых, нам было доподлинно известно, что «Сан Энерджи» в своё время пыталась подкупить Авельца и потерпела неудачу. То ли Авельц запросил слишком много, то ли «Сан Энерджи» наступила ему на мозоль. *(Ленро унаследовал состояние, по самым скромным подсчётам оцениваемое в четыре миллиарда долларов. Не «маленькое предложение», а это сделало его неподкупным. У них с «Сан Энерджи» не было «разногласий», он их просто послал.)*

«Сан Энерджи» в числе лоббистов имела и генсека Мирхоффа, и его первого зама Керро Торре, и спикера Генассамблеи, и добрую половину администрации. Один только Авельц отказался перейти на её сторону. Он представлялся нам естественным союзником.

Ну, а во-вторых, он... был нашим. Это трудно объяснить тем, кто не учился в Аббертоне, но воспитание там добавляет ген. Может, это из-за того, что мы исходим из одной социальной прослойки, живём в одном мире, в «мире поверх границ». Мы все очень разные, но мы понимаем друг друга. Расставляем в речи похожие акценты. С этой точки зрения, конечно, Авельц был нашим человеком.

<...> Даже после того как случился Шанхай и Авельц ушёл, мы с Саидом посоветовались и решили, что лучшего союзника нам пока не найти.

На фоне карьеристов, авантюристов, мошенников и просто дураков, заполнивших верхние эшелоны Организации, Авельц выглядел человеком чуть ли не благородным и принципиальным. Мы пришли к выводу, что Авельц, скорее всего, всплывет и снова окажется в строю. Конечно, он человек экстравагантный и импульсивный, но, судя по всему, разумный <...>.

07. Схема владения материнской компанией «S-Group» распределялась следующим образом: сорок процентов – наш патриарх, Нассеф Савирис, около пятнадцати – мы с Саидом, и ещё сорок пять процентов – раздробленный между нашими дядями и тётями, племянниками и племянницами пакет по полтора-два процента.

Выкупить минимум тридцать шесть процентов у них, присоединить к нашим пятнадцати – и мы получали контрольный пятьдесят один процент против сорока процентов Нассефа. Мы не смогли бы продать компанию или вывести её на IPO, но сменить менеджмент – и убрать с руководящей позиции Нассефа – нам эта схема позволяла. <...>

После гибели отца мы с Саидом тайно открыли в Гонконге, Сингапуре, Токио и Тайбэе несколько инвестфондов. Мы тайно выводили деньги из оборота «S-Group» и закладывали их в наши фонды, постепенно аккумулируя средства для выкупа доли родственников. <...> Мы договорились, что YUOK (*азиатский финансовый холдинг, базирующийся в Сингапуре*) предоставит нам засекреченный отложенный займ под финансирование сделки. <...>

Оставалось решить три вопроса. Во-первых, с чего наши трусливые и глупые, но жадные и подозрительные родственники согласятся продать нам свои доли? Во-вторых, даже если они согласны, выкупить тридцать шесть процентов «S-Group» по рыночной оценке – сделка на сто и выше миллиардов долларов, и денег YUOK нам бы не хватило. В-третьих, приобретение какими-то азиатскими фондами со скрытыми бенефициарами трети крупнейшей ближневосточной ТНК – очевидно, предмет для расследования аудиторами и инспекторами Организации.

<...>

Третий вопрос разрешала помощь Авельца. С первыми двумя... нам помог Шанхай.

08. Весной после Шанхая начались выступления. <...> После Джонса крики «снизу» становились всё громче. Запрос на перемены шёл со всех сторон, от Организации до улицы. Сытые годы неокapитализма Мирхоффа, когда ТНК творили всё, что хотели, а цену на энергоносители и воду устанавливали по звонку, остались в прошлом. <...>

Протестные движения собирались вокруг «джонситов». Там были и демократы, и роялисты, и националисты. Всех объединяла ненависть к монаршим династиям. «Джонситы» круглосуточно митинговали перед зданиями Организации, их лидеры обвиняли Аравийский аль-Янс в мягкости и терпимости к злодеям, призывали не изменять Устав, а выходить из её состава. Проснулись исламисты-шииты, которых спонсировал Иран, – после терактов в Бахрейне и Омане в крупных городах всего полуострова ввели режим повышенной опасности. <...>

Демонстрацию в Абу-Даби, типичное шествие «джонситов» против безработицы и за пособия, против Организации и ТНК, разогнала «белая армия» бедуинов, которую по просьбе шейха в город прислал король Фейсал. Те стали стрелять прямо по толпе: заваленную трупами улицу Дельма снимать запретили, но местные всё засняли и распространили в Сети. <...> Люди стали выходить на улицы всюду. В течение месяца восстали города Бахрейна, Катара, Эмиратов и Омана. <...>

Спокойной оставалась только Саудовская Аравия. Фейсал отправил войска на помощь союзникам и в ответ на звонок Вилька сказал (прямая цитата): «У меня всё под контролем». Организация не нужна. Держу пари, Вильк был счастлив это услышать. <...>

Уверенность короля поубавилась, как только у него под носом восстал Эль-Хуффуф. Там протестовали не демократы, там восстали шииты. Полиция сомкнула щиты и выступила навстречу... и победила «улица». Там были боевики «джонситов», которые переправились с иранским оружием из Бахрейна. Они фактически захватили город <...>. И Фейсал послал свою

«белую армию», послал ВВС и артиллерию. Город начали бомбить. <...> По всей провинции (*Эш-Шаркия*) начались беспорядки. Тогда Фейсал отозвал «белую армию» из Бахрейна, Катара и Эмиратов. Лишившиеся поддержки, правительства пошли на переговоры с восставшими.

09. Мы <...> установили связь с вождями революционеров в Дохе, Манаме и Абу-Даби. Мы снабжали как «джонситов», так и «светскую оппозицию» деньгами. Средства мы проводили через «ХамМед».

Доктор Бен Хаммид тогда был депутатом от Аравийского альянса в Генассамблее и неформальным лидером «Регионов», и Саид его хорошо знал, так как мы неоднократно использовали гуманитарные миссии «ХамМед» для отмыва денег из Центральной Африки <...>. Оружие мы никогда не закупали и в связи с шиитами, захватившими Эль-Хуфуф и начавшими гражданскую войну, мы не вступали. Это были деньги Ирана, которые тоже проходили через Хаммида <...>. В его клиниках в Даммаме, Эр-Райяне, Рувайсе, Эль-Хауре и Маскате революционеры размещали свои арсеналы, а врачи Хаммида помогали раненым во время уличных столкновений. <...> Самолёты, которые якобы везли «медицинское оборудование», доставляли из Тегерана тяжёлое вооружение, противотанковые ракеты и беспилотники. <...> Хаммид надеялся, что с падением «выродившихся династий»... да, это его слова, неформально он так о них отзывался – «вырожденцы» <...>. Он хотел привести к власти своих людей и сделать Аравию плацдармом своей войны с Ньюарком.

10. Многие ТНК начали сбрасывать ближневосточные активы. После того как Аль-Тани бежали из Дохи и революция уже, казалось, победила в Катаре и Бахрейне, рынок сделал прогноз: монархиям не выжить. <...> Акции связанных с монархиями компаний рухнули в секунду. Нашу формально независимую и частную «S-Group» тоже штормило: публичные активы обесценивались, в перспективе работы с новыми правительствами никто не верил. <...> Забастовки парализовали работу всех наших предприятий в Катаре, Бахрейне, Омане и в провинции Шаркия. Бастовал персонал наших ферм, трубопроводов, заводов, транспортных узлов, грузоперевозящих компаний, аэропортов, остановились стройки, банки замораживали выплаты <...>.

Все ждали, разразится ли гроза над Эр-Риядом. Там пытались митинговать мигранты, но полиция их сразу угомонила, а граждане-сунниты на улицы не вышли. <...> Когда Фейсал послал на восток артиллерию и в очередной раз отказался от поддержки Организации, Нассеф решил эвакуировать семью и отправил наших родственников тремя бортами в Лондон. Я полетела с ними, а Саид остался при Нассефе. <...> Мы собирались создать видимость полной катастрофы «S-Group», чтобы родственники согласились перепродать нам свои доли. <...> Компания теряла миллиарды, Эль-Хуфуф бомбили, «белая армия» отступала из Омана, оставляя аль-Бу-Саидов осаждёнными в их дворце. А я летела в Лондон, но в аэропорту меня ждала отдельная машина.

Родственники разъезжались кто куда: кто в лондонскую резиденцию, кто пересаживался на рейс в Монако или в Сан-Франциско, кто отправлялся на концерт в Альберт-Холл или на приём к королю, а я села в машину и поехала в тихий английский городок Аббертон.

7. Конспект студента: встреча с Ленро Авельцем

На ежегодный майский приём Ленро приехал ранним утром. Икрима пока в дороге, и большинство гостей придут только к вечеру. Канцлер Академии очень просил Авельца прочитать лекцию для студентов-выпускников, и Ленро согласился, но не на лекцию, а на приватную встречу.

Это была небольшая аудитория, на входе дежурила охрана из ОКО, и студентов допустили всего несколько десятков. Запись Ленро не разрешил, но один из студентов тайно конспектировал встречу. Ленро опоздал где-то на полчаса, пришёл весь в чёрном, в костюме и в галстуке, сел очень близко к студентам и сразу предложил задавать ему вопросы.

Вопрос: Что происходит в Аравийском альянсе? Почему Организация не реагирует? Какова позиция генсека? (Про разговор Вилька с королём Фейсалом студент, естественно, не знает.)

ЛА (смеётся): сразу быка за рога? «Я не эксперт по Ближнему Востоку». Спрашивает, кто читал нам Ближний Восток. «Саваста и Доган? Ну, на их фоне я эксперт. Сколько им вообще лет? кто-нибудь знает?» (Смеётся.)

«Вы правы: Организация всегда реагировала быстро. Либо сразу поддерживала одну из сторон, либо посылала посредников. Если бы восстание случилось год назад, председатель ОКО и как минимум первый зам генсека уже сидели бы в Рияде. Что изменилось? Шанхай. После Шанхая господин Вильк не отдаст приказ Армии Земли даже под угрозой смертной казни».

Вопрос: А переговоры? Почему нельзя «мирными методами»?

ЛА: время упущено. Уже началась гражданская война. Если Вильк примет сторону монархии, то должен будет помочь взять Эль-Хуфуф. Если восставших – сами понимаете. Если посредник – нужен корпус миротворцев. За стол переговоров уже не сесть без угроз. Он упустил момент. «Давайте спрашивайте теперь – почему?»

Вопрос: Почему?

Увлёкся выборами президента Лиги Южной Америки. Кто фаворит сейчас? Керро Торре. Испанец, «монстр из Валенсии», какое он отношение имеет к Южной Америке? «Вот вы смеётесь, а его изберут, и вот тогда латиносы слезами обольются и трижды пожалеют, что угрожали выйти из Организации. Торре послан им за их грехи, и всё внимание генсека, насколько я знаю, сейчас там. Но обратите внимание: бездействие это тоже действие». Если цель не остановить войну (а это вообще-то должна быть цель), а нейтрализовать Аравийский альянс, то Вильк всё делает правильно.

«Регионы» так любили попрекать нас вмешательством в дела суверенных государств, и вот теперь эти вчерашние изоляционисты получили пример, что с ними случится, если Организация не помчится их выручать. «Для Ньюарка главный результат революции – не смена режимов, а распад аравийской делегации в ГА и отзыв предложения об изменении Устава. Вот!»

Вопрос: Хорошо ли ЛА знает Вилька?

Знает, но не близко. «Вот Торре близко знаю». А что Мирхофф? «Заезжает к вам, старая крыса? Нет? Совсем в нору забился, никакой публичности, бедный, боится вас». Реплика: нас боится? «Конечно, вас боится. Растерзаете его своими вопросами».

(Далее часть вопросов-ответов про Шанхай и ответственность Мирхоффа – она во многом дублирует точку зрения Ленро из «Воспоминаний», так что я её опускаю.)

Вопрос: Почему Энсон Карт уехал в Шанхай к Джонсу?

ЛА (смеётся): «А вы подготовились». ЛА близко дружил с ЭК во время обучения, но после выпуска они разругались и очень редко виделись. «Я не знаю, как ответить». У ЭК

погибла жена (*ошибка: Евангелина не была его женой*), он находился в депрессии, он всегда идеологически был ближе к Джонсу, чем к Ньюарку («Понимаю, вам неприятно это слышать, и мне тоже неприятно это говорить»).

ЭК учился на стипендию, у него была очень бедная семья из Миссури. Из-за очень высоких результатов в тестах по IQ и др. он попал в школу для одарённых детей и потом в Аббертон, «стремительно попал в наш с вами мир». Но никогда не забывал бедность, нужду, он ненавидел Америку и притворялся, что любит Европу, несмотря на все успехи ЭК «всегда чувствовал себя чужим». «Наш с вами мир ему казался тотально несправедливым». «Энсон остро переживал эту несправедливость». Считал, зло всегда = злу, 50 или 90 там % добра.

«Есть в аудитории люди, которые учатся на стипендию?» Нет. «Хорошо, тогда я скажу вам важную вещь, которую сам хотел бы услышать в вашем возрасте».

«Вы не выбирали родиться в богатых семьях, не выбирали учиться здесь, но так случилось. Вас ждёт огромное будущее. Люди будут говорить разное. Одни будут убеждать вас, что ваше положение, ваши успехи – это целиком ваша заслуга. Что это ваши решения, что вы сами себя сделали, что вы заслужили быть на вершине.

Другие вас обвинят. Они скажут, это не ваша заслуга, это ваша вина. Вам просто повезло. Вы сами ничего не сделали, ничего не добились. Слепая удача. Вы не лучше, вы хуже. Вы ничем не заслужили такой жизни и таких возможностей. Миллионы людей заслуживают этого больше, чем вы. Вы должны этим людям. Вы должны каяться и раздать состояние ваших родителей нищим.

Не знаю, кого будет больше – первых или вторых. Запомните: и те и те ошибаются. Ваше происхождение – не ваша заслуга и не ваша вина. Это правда случайность, но нет причин её стыдиться. Случайности движут мир. Но гордиться случайностью – тоже глупо. Отнеситесь к ней трезво и получше используйте. Шанс на простую счастливую жизнь есть почти у каждого. А шанс стать первыми среди первых – редкий. Постарайтесь его не просрать». Смеётся.

Здесь, судя по заметкам студента, к Ленро подошёл охранник и что-то сказал («прибыла Икрима Савирис»?). Ленро отсалютовал студентам и ушёл.

8. Показания Икримы Савирис: файлы 11–13, выдержки

11. В Аббертоне Авельц познакомил меня с Джованни Эспозито, помощником Вилька по финансам. С ним были люди из руководства Всемирного банка и ТНБ «АмеригоПлас». <...> Поздней ночью, когда приём закончился, мы все вместе поехали в Лондон. У Авельца было две машины – его собственная и охрана ОКО, у меня тоже была машина сопровождения, и у Эспозито, так что наш кортеж растянулся на шесть машин <...>. С нами в машине ехали две подруги Авельца – Корнелия Францен из ОКО и актриса Моллианда Бо. С ней у него вроде бы тем вечером начинался роман, и спать потом они ушли вместе. <...>

Мы заехали в «Ритц» на Пикадилли, где остановился Авельц. Там Эспозито подтвердил мне, что возьмёт на контроль сделку по смене владельцев «S-Group». Он гарантировал, что Организация одобрит сделку. Я немедленно передала эту информацию брату в Каир. <...> Я задержалась в компании Авельца, Эспозито, Францен и Моллианды Бо ещё на некоторое время. Моллианда задала вопрос об этике. Она спросила, каково моё личное, помимо бизнес-интересов, отношение к падению монархий. Я ответила, что мы выросли в свободном обществе, но нашу свободу обеспечивали деньги и репутация семьи. Я сказала, что свободу нужно заработать, и Авельц спросил: «А что значит „заработать“? И как иначе может народ заработать свободу, если не восстанием?» <...>

Авельц постоянно пускался в такой свободолобивый пафос. На словах он презирал монархии, но сам тоже ведь происходил из почти королевской семьи. Супербогатый белый европеец, гражданин мира, выпускник Аббертона, он плевался и на белый, и на цветной «мусор», который копошился и чего-то там хотел где-то далеко внизу, под крыльями его «гольфстрима». Он никогда и не скрывал презрения, с которым относился к этим «народам», которые так мечтал «освободить». С королём Фейсалом он бы легко подружился и нашёл общий язык, а вот от бедного горожанина, выкинутого с работы и неспособного оплатить школу детям, его бы стошнило.

12. Саид фабриковал отчёты, в которых положение дел для «S-Group» представлялось хуже, чем на самом деле. Нассеф не доверял этим отчётам и раз за разом отправлял их на перепроверку. <...> Но для своих детей, наших родственников, он выглядел постаревшим и напуганным, отрицающим реальность. <...> Саид созывал собрания правления по Сети и при всех предлагал Нассефу заморозить деятельность «S-Group» на всём полуострове, пока восстание не закончится. Это поставило бы будущее компании под вопрос, но мы бы вывели капиталы, о чём особенно беспокоились наши дяди и тёти. <...>

Нассеф отказывался. Он правильно понимал, что остановить деятельность «S-Group» – значит вызвать коллапс гражданской инфраструктуры Саудовской Аравии, что может спровоцировать восстание в Эр-Рияде, поражение «белой армии» против шиитов на востоке и крушение монархии. Он обещал Фейсалу, что будет держаться. <...>

О готовящихся атаках «джонситов» на завод в Джизане и трубопровод от Эль-Джубайля нам с Саидом было известно. <...> Мы получили информацию через «ХамМед», но не стали передавать её саудовским спецслужбам. Мы обсуждали с Саидом, что стоит отдать приказ эвакуировать предприятия, но нам позвонил Авельц из Парижа, который рассказал о новом аналитическом документе по восстанию, который циркулирует в ОКО. Прогнозисты ОКО уверяли, что в течение месяца Фейсал разгромит восстание шиитов, согласится на умеренные реформы и сохранит власть. <...> Авельц заявил, что эти теракты – наш последний шанс, и Саид согласился.

<...> Погибло около сотни человек. Саид снова поставил вопрос о заморозке деятельности «S-Group» и выводе капиталов, Нассеф снова отказал. <...> Я в Лондоне встретилась с группой наших родственников и объявила, что мы с Саидом продаём наши доли покупате-

лям с Дальнего Востока, которые готовы заплатить половину от рыночной стоимости. Времени выяснять, кто эти загадочные покупатели и кто бенефициар, у них просто не было. YUOK и «АмеригоПлас» гарантировали сделку, и на данном этапе этого было достаточно. Родственникам казалось, выживший из ума Нассеф уже завёл «S-Group» в пропасть, хотя на самом деле стратегия Нассефа была верной. Он просто не разглядел предателей.

Он летел из Джидды в Эр-Рияд в тот момент, когда узнал, что его дети продают свои доли. На тот момент наши дальневосточные фонды приобрели уже десять – пятнадцать процентов «S-Group». <...> Нассеф пытался остановить сделку, но мы проводили её по международному протоколу, и юридическим гарантом выступил Лондонский клуб, так что апелляция к исламскому праву и саудовским судьям ему ничего не дала. Он понял, кто стоит за всем этим, в тот момент, когда Саид уже приехал в аэропорт и сел на самолёт в Каир. Он приказал службе безопасности задержать его, но Саид уже взлетел. <...> Пока он находился в воздухе, мы приобрели уже двадцать процентов «S-Group». Нассеф звонил в Лондон и пытался поговорить с детьми, но те – не без моего участия – отказывались выходить на связь.

<...> В Каире Саида встретила не служба безопасности компании, а нанятая нами через Авельца ЧВК. Саида доставили под охраной в нашу каирскую резиденцию, где он остался дожидаться закрытия сделок. Нассеф снял его со всех руководящих позиций в компании, это было незаконно, но никто уже не думал о законности <...>. Я в Лондоне сертифицировала последнюю сделку и вылетела в Каир. Мы приобрели сорок процентов «S-Group». <...>

Из Каира мы созвали сетевое собрание владельцев, которое Нассеф – и это было смешно – демонстративно проигнорировал. За него говорил один из вице-директоров, вернее, он сидел и голосовал «против», пока мы и наши подставные лица из новых совладельцев принимали решения. <...> Мы сместили Нассефа с поста президента, и новым президентом назначили Саида. Так всё и закончилось. Тем жарким душным каирским днём, без выстрелов или взрывов, мы наконец-то завладели корпорацией своей семьи. <...>

13. Нам следовало немедленно начать переговоры с Фейсалом. <...> Смена руководства парализовала компанию, и Фейсал мог увидеть в нас угрозу. Он нуждался в компании, чтобы выиграть гражданскую войну, но я просила Саида не обманываться: Фейсал в любой момент, одним щелчком пальцев, мог разрушить «S-Group». Не нанести ущерб, а физически стереть с лица земли. <...> Нужно было договориться с Фейсалом. Но Авельц позвонил Саиду и предложил другой вариант. Он предложил его свергнуть. «Если король пережил мартовские иды, – сказал он, – это не значит, что он переживёт девятое термидора».

<...> Я была не согласна. Я просила Саида остановиться. Но я улетела в Сингапур, разбираться с нашими фондами, а после мне нужно было лететь с юристами в Ньюарк к Эспозито, и за эту неделю Авельц уболтал Саида. <...> Я понимаю, какое разочарование испытывал Авельц. Султан Омана, короли Катара и Бахрейна, шейхи эмиратов – все проиграли, все сдались, и только главные его враги, ненавидимые им саудиты, – единственные выстояли. Шиитов добивали по подвалам и в тюремных камерах, в раскатанный артиллерией Эль-Хуфуф въезжала бронетехника <...>.

Саид был в Каире, опасаясь возвращаться. Нассеф оставался на своём рабочем месте в Эр-Рияде, он не покидал здание корпорации и кабинет президента. <...> Саид сказал мне, что связался с королевской семьёй и пригласил в Каир принцев Наифа аль-Сауда, министра энергетики, и Турки аль-Сауда, руководителя «Арамко» и бывшего главу королевского двора. Я не знала, что с ними в Каир прибыли представители новых лидеров Бахрейна, Катара и Омана. Они прибыли в Египет тайно, по морю, не желая рисковать перелётом, среди них были и «джонситы». <...>

Я не знала, что Саид внял увещаниям Авельца. Я не знала, что они собирались обсуждать дворцовый переворот и свержение Фейсала и возведение нового короля – Наифа аль-Сауда. Считается, что их предал кто-то по линии бахрейнских республиканцев. <...> Аравий-

ский альянс распался, и новые демократии начали вести переговоры с Фейсалом о статусе отношений. Наши источники утверждали, что именно Бахрейн передал Фейсалу данные о подлинном смысле встречи. Лично я думала, это был Нассеф. Он получил доказательства, что мы спонсировали восстания через «ХамМед», и приехал с ними к королю. <...>

Фейсал позвонил президенту Египта. В Каире тоже было беспокойно: «джонситы» совсем недавно четырежды шли на приступ здания Организации, а на площади Тахрир полиция еженедельно разгоняла манифестации. Мечети в пригородах были оцеплены, полиция арестовывала всех подряд. <...> В тайной встрече с «джонситами» президент увидел угрозу национальной безопасности.

Как только поступило подтверждение, что встреча началась, он приказал армейскому спецназу оцепить нашу каирскую резиденцию. Приказ был захватить живьём, чтобы выдать Фейсалу. <...> Когда Саиду доложили, что здание резиденции окружают военные, он попытался связаться со мной, но связь им уже отрубили.

Здание обстреляли, погибло пятеро наших охранников и восемь человек из охраны принцев. Спецназ пустил усыпляющий газ, в резиденции были противогазы, и те охранники, которые ими воспользовались, были убиты при штурме. Но в тот момент, когда спецназ вышиб двери, в небе над резиденцией вдруг появился неопознанный чёрный вертолёт. <...>

Из здания уже вытаскивали находившихся без сознания принцев и Саида, когда командир спецназа вдруг получил приказ остановить операцию. На вопрос, чьё распоряжение, ему ответили – не твоё дело. Значит, ОКО. Вертолёт Особого комитета приземлился прямо на улице, разогнав оцепление спецназа. Агенты забрали Саида и на вертолёте транспортировали в госпиталь Ахмеда Махера, откуда, оказав первую помощь, доставили в штаб Организации на западном берегу Нила. <...>

Принцев и остальных революционеров доставили в Эр-Рияд. Король Фейсал проявил снисхождение и казнил всего-навсего пятерых, принца Наифа посадил в тюрьму, а Турки аль-Сауду дал покинуть страну <...>. Я думаю, если бы Саида захватили, его бы тоже ждал суд и арест за терроризм. Его могли казнить. Но у чуда было имя – Ленро Авельц. Это он связался со штабом ОКО в Цюрихе и попросил вытащить Саида. Но откуда Авельц узнал об атаке? Мне он говорил, что «друзья из ОКО» ему сообщили, и тогда я поверила. Сейчас прошло время, почти пятнадцать лет, и я всё меньше в это верю.

<...> Я думаю, а не сам ли Авельц сдал нас королю Фейсалу? Чтобы отсечь нам все пути к отступлению, сделать нас смертельными врагами – и не оставить нам с Саидом выбора, кроме как устроить в Эр-Рияде революцию?.. Безумный план – похоже на него. Такие якобы сложные комбинации, псевдохитроумные стратегемы. Подвыпив, он часами говорил о стратегиях, планах внутри планов, не прямых действиях, импровизации... Полная чушь. Он хотел выглядеть гением и сам верил в свою гениальность, но на деле весь его «гений» – редкое везение и постоянный обман. Когда его планы проваливались, он просто хмыкал, таинственно разводил руками и уверял, что так и было задумано. Он был игрок. Он ставил, проигрывал, ставил снова. Всё то, что мы видели в последние годы, эта параноидальная одержимость и расстройство личности, что вскрылось, когда он стал во главе Организации... Его психопатия прогрессировала, но знаки, первые признаки этой патологии я наблюдала уже тогда. С каким маниакальным упрямством он настаивал на свержении Фейсала... <...>

Саид считал, что обязан Ленро жизнью. И Ленро поймал его на крючок. Поэтому он и послушал Авельца, поэтому Саид и выслушал его, когда тот впервые поделился с ним своей новой идеей, новым великим «проектом»... «Монтичелло».

9. Из протокола допроса Агента L

– Откуда Авельц узнал о штурме резиденции Савирисов?

L: Руководитель египетского департамента ОКО обеспечивал охрану генерала Уэллса в поездках по Ближнему Востоку, ещё когда Авельц был его помощником. Он хорошо его знал, и ему было известно о делах Авельца с Савирисами. Он получил копию приказа президента Египта и переслал фото Авельцу.

– Это была его инициатива?

L: Он обратился в Цюрих за разрешением, и я дал/а согласие.

– Чем вы руководствовались?

L: Профессиональными соображениями.

– Поясните.

L: Это было моё решение, и я его принял/а. Без пояснений.

– Что произошло дальше?

L: Авельц ответил и попросил спасти друга.

– «Друга»? Так он выразился?

L: Да.

– Назовите имя руководителя египетского департамента.

L: Если у вас есть допуск, оно вам известно.

– Он понимал, что, исполняя просьбу Авельца, идёт на должностное преступление?

L: Простите, а вы правда первый раз допрашиваете сотрудника/цу ОКО?

– Как это относится к делу?

L: Вы даже не подозреваете, насколько широки наши полномочия.

10. Ада Уэллс: цена победы Савирисов

1/2. ИЗ СПРАВКИ ОКО:

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА НА АРАВИЙСКОМ ПОЛУОСТРОВЕ / «ВЕСЕННЕЕ ВОССТАНИЕ» (2 марта – 23 июля)

Объединённые Арабские Эмираты / Объединённая Арабская Республика:

Абу-Даби: 1570 погибших, 2425 раненых.

Дубай: 350 погибших, 985 раненых.

Шарджа: 930 погибших, 1141 раненый.

Фуджайра: 2088 погибших, 5190 раненых.

Умм-эль-Кайвайн: 1711 погибших, 2598 раненых.

Рувайс: 433 погибших, 878 раненых.

Государство Катар / Республика Катар:

Доха: 1022 погибших, 1978 раненых.

Эр-Райян: 710 погибших, 1294 раненых.

Аль-Кхор: 350 погибших, 430 раненых.

Аль-Сикак: 54 погибших, 120 раненых.

Королевство Бахрейн / Республика Бахрейн:

Манама: 2092 погибших, 4288 раненых.

Эр-Рифа: 771 погибший, 1630 раненых.

Хамала: 208 погибших, 410 раненых.

Султанат Оман / Республика Оман:

Маскат: 1550 погибших, 3010 раненых.

Эс-Сиб: 221 погибший, 546 раненых.

Сухар: 151 погибший, 360 раненых.

Салала: 510 погибших, 1212 раненых.

Ибри: 276 погибших, 381 раненый.

Йеменская Республика:

Сана: 2043 погибших, 4230 раненых.

Эль-Мукалла: 380 погибших, 1357 раненых.

Адан: 291 погибший, 778 раненых.

Королевство Саудовская Аравия:

Эр-Рияд: 30 погибших, 80 раненых.

Джедда: 25 погибших, 120 раненых.

Мекка: 203 погибших, 424 раненых.

Медина: 290 погибших, 300 раненых.

Эль-Хуфуф: 40 794 погибших, 78 322 раненых.

Даммам: 5203 погибших, 10 490 раненых.

Эль-Хубар: 3677 погибших, 7560 раненых.

Джизан: 70 погибших, 199 раненых.

Эль-Кувейт: 253 погибших, 816 раненых,

Эль-Джахара: 10 погибших, 75 раненых.

2/2. ТРИУМФ ЛЕНРО АВЕЛЬЦА?

Поразительно, как Икрима Савирис акцентирует внимание на ненависти Авельца к королю Фейсалу II. Словно не помнит, что месяц спустя после «чудесного» спасения её брата в Каире Ленро лично прилетел в Рияд. Мятежные принцы ещё томятся в заключении, захваченные в Каире заговорщики казнены буквально на днях, а Ленро Авельца в аэропорту встречает

военный оркестр, взвод гвардейцев-телохранителей из «белой армии» саудитов и его величество наследный принц Саудовской Аравии рука об руку с Саидом Савирисом.

Прямо из аэропорта они кортежем едут в штаб-квартиру «S-Group», где Ленро Авельц изящно подписывает договор о покупке доли в материнской компании холдинга и где совет директоров немедленно избирает его членом правления. Оттуда он перемещается в королевский дворец, где король Фейсал лично принимает его и час беседует за закрытыми дверями.

На протокольной фотографии, которую позволили сделать журналистам, Ленро и Саид стоят рядом с королём и улыбаются, жмут руки. СМИ Саудовской Аравии освещают визит Авельца как визит миллиардера и инвестора; никто не упоминает его деятельность в комитете по религиям и не вспоминает резкие высказывания в адрес саудитов.

Четыре последних месяца вычеркнуты из истории. Не было ни денег «джонситам», ни отставки Нассефа и захвата «S-Group», ни свержения монархий и штурма резиденции в Каире, не было терактов и гражданской войны, словно руины Эль-Хуфуфа не дымятся в трёх часах езды к востоку, а застенки тюрем аль-Мабахита, ведомства внутренней «безопасности», не полны шиитов и демократов. Никаких финансовых махинаций и экономического террора. Аравийского альянса больше нет, предложение о пересмотре Устава Организации само собой обнулилось, «Абу-Даби Инвестмент Груп», «Арамко», «Сабик» и остальные госкомпании санируются и реструктурируются, Организация бьёт копытом, и Всемирный банк подползает с кредитами, а «S-Group» внезапно становится любимой компанией короля Фейсала. Бывшие совладельцы из семьи Савирисов получают столько денег, что ни в чём не нуждаются до конца дней, задержанный королевской полицией Нассеф Савирис неделю проводит под домашним арестом, после чего вылетает в Египет и остаётся в семейной резиденции в Эль-Гуне под охраной. Там он и умирает восемь лет спустя, в больничной палате с видом на Красное море. На прикроватном столике у него лежит Коран, раскрытый на строках тридцать четвёртой суры.

Вместе с гигантской корпорацией Саид и Икрима получают и колоссальные долги: им предстоит восстановить и переделать компанию и ещё расплатиться с займами, которые взяли их фонды с Дальнего Востока. В этом им поможет известно кто – банки Организации, конечно же, тем более что в новый совет директоров «S-Group» (по представлению Ленро, вероятно) входят пятеро экс-финансистов Организации, а юридический контроль осуществляет Джованни Эспозито. Людей из семьи в совете директоров осталось двое – Икрима и Саид, зато теперь там пруд пруди бывших функционеров Ньюарка и сам Авельц – вице-президент, официально ответственный за переговоры со структурами Организации.

Сверившись с открытыми данными в Сети, я выяснила, что буквально за неделю до визита в Саудовскую Аравию Ленро закрыл трастовый фонд, в котором лежали полученные по наследству деньги отца. Даже если мы поверим Ленро на слово, что якобы после Шанхая он потерял «большую часть состояния», то у него всё равно осталось бы несколько (?) миллиардов долларов. Хотя я в этом сомневаюсь: «Сан Энерджи» и «Синяя Птица», конечно, были мощные компании, но вряд ли его менеджеры вложили бы в них столько денег. Ленро ставил задачу не приумножить, а сохранить капитал. К тому же, хоть он и передал деньги в доверительное управление, я просто не могу поверить, что он не проверял их статус регулярно. Учитывая его неприязнь к «Сан Энерджи» и осведомлённость о незаконной деятельности в Китае, полагаю, он бы указал менеджерам на ненадёжность инвестиций. С другой стороны, при Мирхоффе почти вся высшая администрация Организации финансово зависела от этой компании, так что Ленро вполне мог к ним присоединиться.

Интересно, великий антиклерикал и вольнодумец Ленро, каким он себя изображает в мемуарах, – попрекнул ли он Фейсала «средневековостью» его режима? напомнил ли королю о моральном императиве свободного выбора и правах личности?.. сказал, что расстреливать протестную демонстрацию – уж совсем неприлично?..

Или, как новоявленный совладелец «S-Group», обсуждал с королём just business – госконтракты и перестройку экономики залива? Фейсал пообещал, конечно, какие-то уступки и даже приказал начать разработку светской конституции, и за это Организация завалила его деньгами, – но с тех пор о конституции никто и не вспомнил, а займы Всемирного банка пошли на субсидии «S-Group».

За следующие несколько лет Авельц посетит Рияд ещё восемь раз, но все визиты будут непродолжительными и официальных встреч с Фейсалом больше не будет. Помогать восстановлению и развитию «S-Group» Ленро будет, курсируя между Нью-Йорком, Лондоном, Парижем и Токио. Я подозреваю, причина не столько в соображениях личной безопасности (хотя агент L подтверждает, что ОКО не рекомендовал задерживаться в странах Залива), сколько в эстетической брезгливости. Ленро не просто не любил монархии и религии – его воротило от Ближнего Востока, от пустынь, пыли, внедорожников и верблюдов, от безвкусных небоскрёбов и ровных улиц, от одинаковой белой мужской и чёрной женской одежды. Он ненавидел гутры и всё время ворчал (ещё при мне), когда ему приходилось вести переговоры с собеседником, одетым в традиционный арабский костюм.

Но всё же Ленро принял решение и связал свою жизнь с Ближним Востоком, с «S-Group» и семьёй Савирис (кстати, обратите внимание, Саид и Икрима на всех фотографиях носят только европейскую одежду). И сказать, что его любовные объятия с Фейсалом – типичный пример лицемерия, значит сильно упростить его мотивы. Да, Ленро – лицемер, но он всегда думал и всегда взвешивал, и часть «S-Group», и даже возможность похода в Китай против «Сан Энерджи» – не та цена, слишком уж дешево. Мой отец – человек, которого Ленро уважал и любил, а не презирал, как Фейсала, – предложил ему целый мир – и Ленро его отверг. Так что корысть – не тот мотив, что я здесь вижу.

А вот Каир и спасение Саида – это теплее. Я не верю Икриме, что Авельц сам организовал атаку на резиденцию, но Икрима хитрая и умная женщина, она знает Авельца, она чувствует его логику. Предположим, это был он. Предположим, Авельц сдал Саида Фейсалу. Зачем? «Отсечь все пути к отступлению»? Нет. Другое. Ключ не в атаке спецназа, ключ в просьбе Авельца к ОКО – «спасти друга».

Зачем? Хотел бы Ленро добить Фейсала – отдал бы Саида, и «S-Group» осталась бы Икриме. Ленро нуждался в Саиде – и нуждался в нём не как в союзнике, но как в единомышленнике, и его планы на Саида не ограничивались завоеванием крупнейшей ближневосточной ТНК или убийством «Сан Энерджи». После Каира Саид получил контузию, отравление газом и искреннюю уверенность в дружбе Ленро Авельца – а у Авельца, как известно, друзей не было, были только преданные ему люди.

В этом, если в двух словах, и заключалась разница между Энсоном Картом и Ленро Авельцем. Один стал символом краха надежд, а другой – радикальной мечты. Оба проиграли: один в Шанхае, другой – пытаясь исправить то, что случилось в Шанхае. Я не знала Энсона лично, но даже по отношению Ленро к нему можно понять: Энсон был умником, а Ленро хотел им казаться. Энсон любил конфликт, потому что жил этой борьбой, а Ленро любил конфликт потому, что хотел побеждать.

Но Энсон всегда был идеалистом, а Ленро превратился в идеалиста только после Шанхая – и «тихого восстания». Его определила триада: Аббертон, самоубийство Евы Карр и разрушенный Шанхай вкупе с поступком моего отца.

В Сети бродит известная байка, что преподобный Джонс на самом деле жив и это Ленро спас его, вывез из Шанхая на вертолёте и передал в руки моему отцу. И хотя в этой версии Джонс больше смахивает на двойного агента Уэллса, чем на светлого мессию, коим «джонситы» его представляют, в её безумии что-то есть. То, как важен оказался тот суицидальный полёт в обречённый город для личности Ленро, а значит – для мира в целом.

Не знаю, когда родился «Монтичелло», – в том вертолётё, на Окинаве во время бомбёжек Шанхая, в самолёте Уэллса или в горах Кордильеры-Реаль за чтением Библии. Но знаю, что Саид услышал о нём впервые после того, как едва не погиб тем жарким июньским днём в Каире. И это не случайность и не совпадение. Вместе они решились на самый смелый, самый значительный эксперимент из всех, которые когда-либо ставили над человечеством. Я вижу, хотя не могу подтвердить документально, как Ленро говорит Саиду: «Если ты выживешь, давай вместе изменим этот мир».

Раньше я бы решила, что это не Авельц. Но прочтя его «Воспоминания», думаю, я готова изменить свою точку зрения. В конце концов, закончив переговоры в Рияде, Саид и Ленро полетели в Нормандию – в Довиль, где на берегу Ла-Манша Ленро Авельц торжественно сочелся узами брака с актрисой Моллиандой Бо.

Свадьба Ленро Авельца – мне странно даже думать об этом; одно обстоятельство смягчает мою дезориентацию. В те самые минуты, когда новобрачные поднимали бокалы с шампанским, король Фейсал II завершал контртеррористическую операцию в пригородах Эль-Хуфуфа – завершал пятью сотнями литров зарина.

II. Восточный ветер

11. Письмо Ленро Авельца Габриэлю Ю. Вильку

Глубокоуважаемый Господин Генеральный Секретарь, зная Вашу огромную озабоченность будущим Центральной и Восточной Азии, а также искреннее желание предотвратить повторение Кошмара, случившегося с нами три года назад и разрушившего всю стабильную систему безопасности, которую Ваши предшественники (и Ваш покорный слуга) с таким трудом выстраивали в регионе, я обращаюсь к Вам с просьбой и с намерением разрешить ряд важнейших для спасения Азии вопросов.

До того как случился Кошмар, во время моей работы в администрации Генерального Секретаря Мирхоффа, одним из гарантов стабильности и опорой Организации в регионе являлась Транснациональная корпорация «Сан Энерджи». Мы не только рассматривали её как союзника, мы связывали с ней большие надежды на будущее Азии и на возможное восстановление Китая – я говорю о так называемом проекте «Лазарь». Корпорация «Сан Энерджи» обещала Организации, что в течение пятнадцати лет ей удастся найти способ ликвидировать последствия экологической катастрофы, поразившей Центральный Китай и Восточный Тибет.

В рамках проекта «Лазарь» предполагалось создать вещества, способные обеззаразить почву, понизить радиационный фон и ускорить полураспад токсичных элементов. На территориях Южного Китая, в долине реки Янцзы, возле города Наньнин корпорация развернула свои лаборатории и построила станции по очистке воды. Если бы «Сан Энерджи» выполнила своё обещание и эксперименты по проекту «Лазарь» увенчались успехом, а водо-, почво- и воздухоочистные станции заработали по всей территории бывшей Китайской Народной Республики, то Организация смогла бы восстановить государственность китайской нации, обезопасить прибрежные города-государства, южные границы России, государства Центральной и Юго-Восточной Азии, не говоря уже о миллионах беженцев и миллиарде человек, брошенных в Китае на произвол судьбы, живущих в нищете, умирающих от мутаций, угнетаемых бандитами и «красными» террористами.

В свете подобной перспективы администрация Генерального Секретаря Мирхоффа предпочитала не замечать достаточно частые нарушения международных законов и конвенций, а порой и откровенно преступные действия корпорации. Начиная работу в Организации на посту помощника председателя ОКО, я неоднократно сталкивался со злоупотреблением корпорацией своим исключительным положением. ОКО было известно, что «Сан Энерджи» использует территории Южного Китая как тестовый полигон для новейших образцов химического и биологического оружия и является одним из крупнейших игроков на теневом рынке вооружений. Кроме того, «Сан Энерджи» периодически оказывала помощь некоторым из новообразованных на пустошах Китая государств-однодневок, многие из которых Организация классифицировала как террористические.

Однако администрация Мирхоффа продолжала верить в проект «Лазарь», считая его одним из своих приоритетов, и потому поддерживала «Сан Энерджи», запрещая ОКО вести расследования, снабжая корпорацию информацией и льготными кредитами Всемирного банка. Предполагалось, что «Сан Энерджи» ответит Организации взаимностью и в конечном итоге предоставит нам проект «Лазарь», благодаря которому администрация Мирхоффа войдёт в историю как «спасшая Китай». Возможно, игра стоила свеч, и пока я работал на Организацию, мне также приходилось мириться с вопиющими фактами относительно «Сан Энерджи». Но моё мнение резко изменилось после Кошмара, ею во многом и спровоцированного.

Противостояние с Джонсом, которое вела Корпорация, в итоге привело к взрыву водородной бомбы рядом с городом Ухань, а затем и к полномасштабной войне, закончившейся интервенцией сил Армии Земли, гибелью Джонса, бомбёжкой Шанхая и крахом старой системы международной безопасности, который породил «джонсизм», регионализацию и сепаратизм.

Прямую вину за случившееся несёт корпорация «Сан Энерджи». Речь не о том, что данная ТНК не должна была защищать свои интересы в Шанхае и бороться против Джонса, который, вне всяких сомнений, является виновником произошедшего. Но в погоне за сверхприбылью, без всякого согласования своих действий с Организацией, топ-менеджмент «Сан Энерджи» объявил Джонсу войну и применил против него свои частные вооружённые формирования. Если бы «Сан Энерджи» вовремя запросила Организацию и прибегла к нашим услугам в качестве посредника, а не попыталась ликвидировать врага самостоятельно, в угоду исключительно своим финансовым интересам, Кошмар мог бы и вовсе не случиться.

В своём «Воззвании к Китаю» Джонс впервые, ещё до нынешних «джонситов» и Бена Хаммида, произнёс слово «геноцид», характеризуя отношения «Сан Энерджи» с населением Китая. Он опубликовал целый ряд доказательств, в его «Воззвании» – а оно до сих пор циркулирует по Сети и служит инструментом «джонситской» пропаганды – содержатся свидетельства очевидцев и перехваченные секретные документы «Сан Энерджи» (копии см. в приложении А), которые ясно указывают на связь между корпорацией и, например, массовой резнёй в Наньнине. Джонс представил мировой общественности пакет полностью достоверных документов, однако администрация Мирхоффа предпочла соблюсти статус-кво и проигнорировала эту ситуацию (что являлось ошибкой). Среди этих документов находились, кроме того, и данные по проекту «Лазарь». В них, перехваченных хакерами Джонса, были сведения по финансированию и ходу работ, а также переписка исполнительного директора проекта.

Дальнейшие события скомпрометировали эти данные, а война отвлекла от них внимание. Тем не менее замечу: с тех пор никто так и не опроверг их подлинность. Эти данные (копии см. в приложении В) дают понять, что никакого прогресса в отношении заявленных целей проекта «Лазарь» нет. Многомиллиардный бюджет ушёл либо на разработку и испытания медицинских препаратов, наркотиков и вооружений, либо на коррупционные схемы: откаты членам правления и менеджерам среднего звена, отводы на офшорные счета, взятки должностным лицам на местах и внутри Организации. Исследовательский отдел, реально занимавшийся поиском решения проблемы с экологией Китая, получал едва ли 1/45 долю финансирования и не добился никаких успехов.

Ещё работая в ОКО, я направлял в «Сан Энерджи» запросы, касавшиеся проекта «Лазарь», но они оставались без ответа. Администрация Мирхоффа, которую я просил вмешаться, неизменно указывала на «засекреченность данных» (копии моих запросов хранятся в архиве ОКО, в приложении С подробная по ним информация).

Сегодня «Сан Энерджи» продолжает занимать доминирующее положение в экономике и политике Азиатского континента. Несмотря на болезненные финансовые потери, которые корпорация понесла во время Кошмара, и несмотря на падение доверия к ней и прекращение, насколько мне известно, прямых контактов с руководством Организации, корпорация, тем не менее, контролирует как Юго-Восточную Азию и Южный Китай, так и ряд городов-государств на Тихоокеанском побережье. Задача, ради которой бенефициары «Сан Энерджи» пошли против Джонса, – проникнуть в Центральный Китай, где из-за военного хаоса и вакуума власти можно скрыть даже самые чудовищные эксперименты в области биологического оружия, – оказалась исполнена. Джонса, который мешал им, как и независимого Шанхая, больше нет.

Теперь господство «Сан Энерджи» в Азии начинает представлять прямую и явную угрозу не только для региональной безопасности, но и для всего мира. ТНК, обладающая не только собственными армиями, но и запрещённым и разработанным в секрете от Организации ору-

жием массового поражения, а также огромными финансовыми ресурсами и при этом не зависящая от Организации, недалёковидная и нестабильная, ставящая приоритетом сверхприбыль, непредсказуема и опасна. Само её существование в нынешнем виде угрожает миру, а сдержанная позиция Организации активно используется нашими критиками и врагами.

В силу известных обстоятельств на данный момент я не работаю на Организацию и выступаю как частное лицо. И всё же я остаюсь её преданным сторонником. Я полагаю, что будущее человечества зависит от Организации. Для меня это не вопрос политических или личных взглядов, это вопрос выживания нашей цивилизации. Даже оставаясь наблюдателем, я всё равно стараюсь помогать укреплению Организации. И я полагаю не только возможным, но и необходимым причислить «Сан Энерджи» к числу наших врагов.

Являясь совладельцем и входя в руководство холдинга «S-Group», около полугода назад я прозондировал «Сан Энерджи» и попытался перекупить у них компании, связанные с проектом «Лазарь». Мы с моим другом, президентом холдинга Саидом Савирисом, хотели понять, есть ли среди наработок «Лазаря» хоть что-то ценное, во что можно вложить деньги и сделать Центральный Китай вновь пригодным для жизни. Как и следовало ожидать, со стороны «Сан Энерджи» последовал резкий и однозначный ответ. Несмотря на проблемы на фондовом рынке и послевоенные потери, корпорация уверена в себе как никогда. Она продолжает эксплуатировать тему проекта «Лазарь», делает его ширмой для своих теневых операций и легализует пребывание в Китае.

Тем временем все грехи, в которых нас упрекал ещё Джонс, останутся с нами: продолжатся испытания запрещённых видов оружия, на ханьцах протестируют штаммы новых вирусов и спровоцируют новый геноцид. Правительства городов-государств побережья – Гонконг, Фучжоу, Сямынь, а также Тайвань, Корея и Республика Хайнань в новых обстоятельствах не проявят той терпимости, которую они демонстрировали до Кошмара. Рано или поздно они выступят против «Сан Энерджи», и у меня есть основания считать, что Азиатский союз их поддержит. «Сан Энерджи» не сдастся без боя: будет либо новая война в Азии, и Вы окажетесь перед необходимостью применить силы Армии Земли, либо грандиозный судебный процесс над «Сан Энерджи», во время которого вскроются самые нелицеприятные подробности и факты деятельности предыдущей администрации.

Любой из этих сценариев приведёт к ослаблению Организации. Один раз Организация уже совершила ошибку, соблюдая статус-кво и надеясь на благоразумие своих визави. Результатом стал всемирный кризис, равных которому Организация ещё не знала. Это не должно повториться. Я предлагаю Вам, как Генеральному Секретарю и человеку, ответственному за будущее человечества, взять инициативу в свои руки. «Сан Энерджи» необходимо остановить – остановить и вернуть под контроль Организации. Только так мы избежим нового политического кризиса, чреватого не простым упадком влияния, а концом Организации в нынешнем её виде. Я не могу позволить этому случиться. Уверен, Вы со мной согласитесь.

Для того чтобы обсудить эту проблему, я бы хотел встретиться с Вами лично. В решении этого вопроса помощь Организации готова оказать «S-Group» – как Вы знаете и как доказывает пример «Сан Энерджи», услуги частного бизнеса могут быть эффективнее, чем вся исполнительная мощь Великой Организации. Восточный ветер дует с запада.

Искренне Ваш,
член Совета директоров, вице-президент S-Group,
президент Инвестиционного фонда ASI,
член Совета директоров корпорации «Эневтика»,
независимый член Совета директоров банка «АмеригоПлас»,
профессор h.c. Политической академии Аббертона
Ленро Авельца

12. Протокол встречи Габриэля Вилька с Ленро Авельцем

Нью-Йорк, Резиденция Сэндс-Поинт

3—4 июля, 23:11–01:50

Присутствуют:

Генеральный секретарь Организации – Г. Ю. Вильк

Вице-президент S-Group – Л. Авельц

Помощник генсекретаря по вопросам международной безопасности – С. Поллард

Помощник генсекретаря по связям с Азиатским союзом – И. И. Джунеджо

Председатель Комитета по социальным реформам ГА – Г. Онассис

ДЖУНЕДЖО: Запись идёт.

ВИЛЬК: Тогда мы... Мистер Авельц, я ознакомился с вашим письмом. Гелла Онассис передала мне его в Турине. Она уточнила, что вы желаете сохранить это между нами. Вы не доверяете службе информационной безопасности Организации?

АВЕЛЬЦ: Я предполагаю, господин Вильк, точнее сказать, я уверен, что у «Сан Энерджи» остались агенты в среднем звене Особого комитета. Я уверен в вашей администрации, но «Сан Энерджи» десятилетиями существовала за счёт проникновения внутрь Ньюарка, это их конёк.

ВИЛЬК: Полагаете, им известно о нашей встрече?

АВЕЛЬЦ: Да.

ВИЛЬК: И всё же вам придётся доверять мне, моим службам и людям в этой комнате.

АВЕЛЬЦ: Вне всяких сомнений, господин генеральный секретарь.

ВИЛЬК: Хорошо. Тогда начнём. Мистер Авельц?

АВЕЛЬЦ: Прошу прощения, господин генеральный секретарь. Для начала я бы хотел услышать, насколько вы согласны с точкой зрения, изложенной в моём письме?

ВИЛЬК: С вашей точкой зрения. Седрик Поллард – мой помощник по международной безопасности.

АВЕЛЬЦ: Мы знакомы.

ПОЛЛАРД: У мистера Авельца там не точка зрения, это скорее анализ и выводы. Мы склонны согласиться с частью выводов.

АВЕЛЬЦ: Могу узнать, с какой частью выводов?

ПОЛЛАРД: Мы не закрываем глаза на действия «Сан Энерджи». У ОКО достаточно материала на неё. Против неё сейчас идёт около семисот судебных процессов в разных инстанциях, сорок процентов из них при участии ОКО. Я держу ситуацию на контроле.

АВЕЛЬЦ: «Сан Энерджи» судится постоянно, и компенсации по обвинительным заключениям составляют меньше процента их прибыли.

ВИЛЬК: У нас есть справка?

ДЖУНЕДЖО: Пожалуйста.

ПОЛЛАРД: Организация не будет вмешиваться в работу судебной машины, мистер Авельц. Доказательств преступлений «Сан Энерджи» и без того предостаточно.

АВЕЛЬЦ: Ущерб «Сан Энерджи» не понесёт.

ДЖУНЕДЖО: В странах Юго-Восточной Азии «Сан Энерджи» создаёт сотни тысяч рабочих мест. Их вклад в ВВП Азиатского союза оценивается в порядке пятнадцати процентов. Вы пишете, что существует вероятность конфликта между «Сан Энерджи» и странами региона. Мои эксперты это не подтверждают. Наоборот, сотрудничество расширяется. Сейчас в Ханое они подписали новую корзину контрактов по энергетике, высоким технологиям, обороне.

АВЕЛЬЦ: И здравоохранению. Но запросите ОКО о попытках подкупа членов правительств Союза. Кстати, я подозреваю в том числе и комиссара по делам Китая, мистера Кроули. Он ведь лоббировал принятие этой корзины.

ДЖУНЕДЖО: Это были торгово-промышленные круги стран-членов Союза.

АВЕЛЬЦ: Вы понимаете, что «торгово-промышленные круги» и есть корпорация «Сан Энерджи»?

ВИЛЬК: Мистер Авельц, на текущий момент я доволен работой мистера Кроули. Нам нужно взаимодействовать с «Сан Энерджи», у нас нет другого варианта.

ПОЛЛАРД: Если только вы не находитесь здесь, чтобы нам его предоставить.

ВИЛЬК: Да, это мистер Поллард настоял на нашей встрече. Ради неё миссис Онассис даже отменила визит в Венесуэлу.

АВЕЛЬЦ: Я высоко ценю время ваше, господин генеральный секретарь, и время миссис Онассис, и доверие мистера Полларда. Я изложу кратко. Я прекрасно осознаю проблемы, с которыми Организация сталкивается в регионе. Но я был в Шанхае, я видел, во что он превратился. Конечно, мне следовало написать это письмо генсеку Мирхоффу, пять лет назад. Я этого тогда не сделал, делаю сейчас. Ответственность ещё на нас, её с нас никто не снимал. Возможно, мы расходимся в прогнозах и во мнениях относительно причин кризиса, но мы не сомневаемся, что он есть. До Шанхая, если бы решение зависело от меня, я бы предложил интервенцию. Но сегодня, здесь я солидарен с вами, это недопустимо. Поэтому я предлагаю вам, господин генеральный секретарь, план по опосредованному блокированию и ослаблению «Сан Энерджи». Центральное звено моего плана – это проект «Лазарь». С одной стороны, после Джонса уже всем понятно, что «Лазарь» – фальшивка. С другой стороны, если Организация признает это сейчас, это сильнее ударит по нам, чем по «Сан Энерджи». Я предлагаю заявить о значительных успехах, достигнутых в результате совместной работы Организации и «Сан Энерджи». Как нам развенчать запущенную Джонсом точку зрения? Я писал об этом. Самый простой способ – сделать так, чтобы «Лазарь» и в самом деле перестал быть фальшивкой. Здесь и кроется мой личный интерес. Корпорация «S-Group» обладает ресурсами и желанием попробовать одержать победу там, где проиграла «Сан Энерджи». Мы желаем забрать проект «Лазарь» и продолжить его своими силами.

ДЖУНЕДЖО: Позвольте, генеральный секретарь?

ВИЛЬК: Пожалуйста.

ДЖУНЕДЖО: Реальные успехи «Лазаря» – более чем скромные.

АВЕЛЬЦ: Я бы выразился резче. Они ничтожны.

ДЖУНЕДЖО: В таком случае что вы собираетесь там продолжать?

АВЕЛЬЦ: Имеются наработки. «Лазарь» – это целый комплекс программ.

ДЖУНЕДЖО: Ни одна из которых так и не была реализована. Почему бы вам, если вы хотите рискнуть и прийти на место «Сан Энерджи», не начать альтернативный «Лазарю» проект? Организация поддерживает свободную конкуренцию.

АВЕЛЬЦ: Вы правы. Меня интересуют не столько наработки «Сан Энерджи», сколько, во-первых, доступ к территориям, а во-вторых, конечно, бренд. Мы не хотим начинать новый проект. Мы хотим перекупить мандат на проект «Лазарь», именно его.

ВИЛЬК: Иными словами, вы желаете приобрести не содержание «Лазаря», а репутацию.

АВЕЛЬЦ: Два в одном, господин генеральный секретарь. У меня есть соображения, подтверждённые моими учёными в «S-Group», что «Лазарь» вовсе не столь невероятен. Восстановить экосистему Китая действительно невозможно. Почва заражена, очистные станции не помогут. Как нейтрализовать токсины – неизвестно. Но есть более приземлённая и куда более простая задача – обеспечить порядок на территориях Китая, ликвидировать вооружённую анархию и вывезти из заражённых регионов людей. Эту задачу просто надо поставить и двигаться к её исполнению. Мистер Джунеджо подтвердит, что порядок в регионе – послед-

няя вещь, в которой нуждается «Сан Энерджи». Между тем, если полномочия по проекту «Лазарь» – полномочия в рамках уже существующего протокола – будут переданы нам, я гарантирую реальный результат.

ПОЛЛАРД: Каким образом?

АВЕЛЬЦ: Я не хочу использовать ЧВК. Я сразу прошу вас, и готов просить у Генассамблеи, и взять на себя переговоры с Азиатским союзом – я прошу участия Армии Земли. Я вижу ваш взгляд, мистер Поллард, но я не прошу новых сил или охранять моих сотрудников. У Армии Земли в Азии огромный контингент, вам это хорошо известно, господин генеральный секретарь. Давайте лучше бросим её на гуманитарную миссию защиты беженцев и мирного населения. Кроме того, и поэтому я рад участию миссис Онассис, я бы хотел привлечь ресурсы комитета по социальным реформам. Восстановить Китай после страшнейших техногенных, экологических и гуманитарных катастроф – звучит как задача вашего комитета.

ВИЛЬК: Мистер Авельц, то есть вы предлагаете Организации надавить на «Сан Энерджи», чтобы проект был продан вашей компании? После чего задействовать Армию Земли, да ещё и осуществить эту операцию под прикрытием комитета по социальным реформам, чтобы проигнорировать вероятные возражения Азиатского союза?

АВЕЛЬЦ: Я уверен, что Азиатский союз будет счастлив избавиться от «Сан Энерджи».

ВИЛЬК: Вы предлагаете заменить одну разросшуюся и представляющую опасность ТНК на другую.

АВЕЛЬЦ: Напротив, господин генеральный секретарь. У «S-Group» есть принципиальное отличие от «Сан Энерджи».

ВИЛЬК: Позвольте узнать, какое?

АВЕЛЬЦ: Их два. Первое – все наши дела в Китае мы будем вести только вместе с вами, при полном вашем одобрении. Поэтому я и хочу комитет Онассис.

ВИЛЬК: И номер два.

АВЕЛЬЦ: Я совладелец «S-Group».

ДЖУНЕДЖО: Простите?

ВИЛЬК: Вы склонны рассматривать это как преимущество?

АВЕЛЬЦ: Абсолютно. Я даю вам слово, что «S-Group» будет действовать исключительно во благо Организации.

ВИЛЬК: Мне кажется, мистер Авельц, я понятно обозначил свою позицию. Организация может действовать только в коридоре легальности. Мы не пойдём на принуждение. Преференции, которые «Сан Энерджи» получила от Мирхоффа, я и так свёл к минимуму. Проект «Лазарь» сейчас слишком важен для них.

ПОЛЛАРД: Ради «Лазаря» они пойдут и на прямой конфликт с Организацией.

АВЕЛЬЦ: В этом и состоит их опасность?

ВИЛЬК: В этом заключается причина, по которой мы с вами беседуем.

АВЕЛЬЦ: Господин генеральный секретарь, а вы не рассматривали возможность работы непосредственно с советом директоров «Сан Энерджи»?

ВИЛЬК: Мы работаем с их правлением.

АВЕЛЬЦ: Мистер Поллард сказал, что Особый комитет обладает достаточным количеством информации. Три года назад, когда я работал в Ньюарке, её тоже было достаточно – достаточно, чтобы расследовать не корпорацию в целом, а её менеджмент.

ВИЛЬК: Мистер Авельц, я неоднократно делал эту ремарку – вариант «Синей Птицы» для нас неприемлем.

АВЕЛЬЦ: Я полагаю, нужды прибегать к этому варианту нет. Достаточно, чтобы правление «Сан Энерджи» о нём знало и знало об альтернативе: если они отдадут «Лазарь» Организации, то смогут и дальше оперировать в регионе. А в то время «S-Group» вместе с комитетом Онассис начнут наконец, спустя столько лет, исполнять задачу тысячелетия – восстановление

Китай. Мы достигнем первых результатов, и авторитет Организации вернётся на дошанхайский уровень. Джонса забудут. Мы с вами войдём в историю.

ВИЛЬК: Мистер Поллард?

ПОЛЛАРД: Благодарим вас, господин Авельц.

АВЕЛЬЦ: Спасибо, мистер Поллард.

ВИЛЬК: Мистер Джунеджо?

ДЖУНЕДЖО: Я не вижу здесь коммерческого интереса «S-Group».

ВИЛЬК: У вас вызывает сомнения рентабельность «Лазаря»?

ДЖУНЕДЖО: Она отрицательная, генеральный секретарь. То, что предлагает Авельц, разорит «S-Group».

ВИЛЬК: Я согласен. Вы предлагаете действовать в ущерб себе.

ПОЛЛАРД: Генеральный секретарь, возможно, это о социальной ответственности ТНК?

АВЕЛЬЦ: Господин генеральный секретарь, в краткосрочной перспективе «S-Group» обладает резервами. Далее мы рассчитываем на определённую роль в восстановлении экономики ныне разорённых территорий. Но это не социальная, а социально-политическая ответственность. Возможно, мистер Джунеджо, вы помните – ещё когда Организация формировалась, существовала идея, что опорой глобального порядка должны быть ТНК. Сегодня, конечно, ТНК считают апостолами зла. Но я хочу, чтобы «S-Group» это сломала. Кроме того, я ещё раз подчеркну – в случае вашего согласия я буду лично координировать действия «S-Group» с Армией Земли и комитетом по социальным реформам. Я бы даже мог и хотел бы предложить новую кандидатуру на место мистера Кроули, который вероятно захочет покинуть свой пост сообразно рекомендациям ОКО.

ДЖУНЕДЖО: Генеральный секретарь, мистер Авельц не может знать, каковы будут рекомендации ОКО.

ВИЛЬК: Решение ещё не принято.

АВЕЛЬЦ: Разумеется.

ВИЛЬК: Я обязательно выслушаю ваши рекомендации. Что касается ваших предложений по «Сан Энерджи»: они важны для нас. Мы – и я лично – ценим вашу инициативу. Уверен, что сотрудничество ТНК и Организации – это ключ к будущему и лучшему миру для Земли. Наша встреча задокументирована – я прошу моих советников на её основе представить мне соображения и рекомендации до завтрашнего дня. Госпожа Онассис, я так понимаю, ваш комитет уже представил записку о новых мерах в отношении реконструкции Китая?

ОНАССИС: Верно, господин генеральный секретарь.

ВИЛЬК: Я попрошу Особый комитет подготовить мне доклад о правлении «Сан Энерджи» и проекте «Лазарь». На этом, я думаю, мы закончили?

АВЕЛЬЦ: Позвольте, господин генеральный секретарь?

ВИЛЬК: Да.

АВЕЛЬЦ: Я осмелюсь напомнить, что на данном этапе, вне зависимости от вашего окончательного решения, важно не допустить огласки.

ВИЛЬК: Я приму меры.

АВЕЛЬЦ: Спасибо за понимание.

ВИЛЬК: Уже почти два часа ночи, мистер Авельц, мне завтра рано вставать, а вы, насколько я знаю, должны поздравить с днём рождения вашу дочь. Передавайте ей поздравления и от меня. А вашей жене сообщите, что я её старый поклонник.

АВЕЛЬЦ: Благодарю, что уделили время, господин генеральный секретарь. Моя жена будет счастлива.

ВИЛЬК: Всем спасибо.

13. Из заявления пресс-службы ТНК «Сан Энерджи»

Из наших источников в Ньюарке нам стало известно, что в администрации генсека Габриэля Вилька вновь прозвучало мнение о необходимости «принять меры» против «усиления» нашей Корпорации. Недавно в одной из нью-йоркских резиденций генерального секретаря прошло тайное совещание, на котором было высказано предложение оказать давление на руководство Корпорации с целью обеспечить продажу ключевых активов Корпорации в руки компаний, подконтрольных Организации и заинтересованным лицам. Предложение, насколько нам известно, генеральным секретарём было отклонено.

Удивительно, с каким постоянством функционеры Организации отвергают саму возможность учиться на своих ошибках. Отказавшись во время Шанхайского кризиса оказать срочную поддержку Корпорации, несмотря на постоянные просьбы и обращения в Совет Безопасности, некоторые силы внутри Организации предпочитают именно Корпорацию обвинять в случившемся. Чтобы угодить оппозиции внутри Генеральной Ассамблеи, регулярно вытаскиваются на свет некие сфабрикованные «документы», якобы доказывающие причастность Корпорации к незаконным испытаниям биологического оружия на территориях проекта «Лазарь». Якобы так тяжело отличить испытания запрещённых видов вооружения от научных экспериментов, целью которых является обеззараживание воды и почвы.

Даже если оставить за скобками вопиющее превышение полномочий, которое мы наблюдаем у некоторых высокопоставленных сотрудников Организации, остаётся загадкой – неужели генеральный секретарь Вильк способен допустить повторение событий прошлых лет, а именно краха «Синей Птицы»? Одна из самых успешных и востребованных на мировом рынке ТНК была стёрта в пыль, незаконно разгромлена в один-единственный день, по личному приказу тогдашнего руководителя Особого комитета и при попустительстве генсека Мирхоффа.

Финансовый кризис, спровоцированный крахом «Синей Птицы», падение Всемирной Сетевой Биржи и паралич рынка – прелюдия к Шанхайскому кризису, спровоцировавшая преступника Джонса на агрессию, – неужели память Организации настолько коротка?..

14. Из редакционной статьи в «OST-REVOLT!» / Вероятный автор: Хао Дж. Кирокун

Поразительно, до какой степени лицемерие пропитало все институты, якобы служащие обществу. Официальные представители Организации, все разом, опровергают заявление пресс-службы ТНК «Сан Энерджи», причём с таким упорством и такой уверенностью, что одно это заставляет усомниться в их искренности. Совещание в резиденции генсека, согласно «Сан Энерджи», являлось тайным – так неужели все отрицающие факт его наличия не предполагают, что у них просто нет допуска?

Возьмём например господина Г. Кроули, комиссара Организации по Китаю, – начинавший работу с «Сан Энерджи» ещё во времена первого срока генсека Мирхоффа, десять лет назад, господин Кроули заявляет: «Организация высоко ценит вклад „Сан Энерджи“ в экономическое развитие региона и обеспечение стабильности в Азии. Проект „Лазарь“ – одно из самых смелых и прекрасных начинаний, когда-либо производимых человечеством. Организация будет до конца поддерживать „Сан Энерджи“, невзирая на абсурдные слухи».

Абсурдные слухи. Начинания, когда-либо производимые. Даже если бы у нас не вызвала сомнений суть заявления г-на Кроули, мы бы всё равно посоветовали ему сменить спичрайтера. Но назвать «абсурдными слухами» тайное совещание у генсека... На наш взгляд, это предмет для рассмотрения ОКОм.

«Сан Энерджи» сейчас ведёт 565 судебных тяжб против СМИ, и мы гордимся, что против нашего издания эта «Корпорация» с Большой Буквы ведёт целых 33 процесса. Большинство связаны с публикацией независимого расследования четырёхлетней давности: мы (имена авторов по понятным причинам не называются) выступили с утверждением, что «Сан Энерджи» имеет контракты с правительствами Бразилии, Аргентины, Венесуэлы, ЮАР, Замбии, ЦАР, Саудовской Аравии, Ирана и Пакистана, а также с рядом независимых военных компаний («НАТ-SD», «Эрго», «Кибиц», «БлуГвард») на испытания биологического и химического вооружения массового поражения. Общая сумма заключённых контрактов оценивается в 15–20 млрд долларов. В нашей статье подробно и на документальной базе описывалось применение психотропного оружия под кодовым обозначением BUG-14 на населении города Наньнин. Несмотря на тысячи свидетельских показаний, огромный объём доступных в Сети материалов и даже сведения, представленные в «Воззвании к Китаю» Джонса, никакого расследования со стороны ОКО не последовало.

<...> Стоит ли надеяться, что Организация изменила своё отношение к преступной группировке, скрывающейся под видом ТНК, и овеванное тайной «совещание» станет первой ласточкой грядущих перемен? Пусть не уважение к международному праву и даже не желание наказать людей, повинных в геноциде, – так пусть хоть страх перед оппозицией «Регионов» и речами Бена Хаммида заставит Организацию зашевелиться...

15. Служебная записка для генсека Г. Вилька от Ленро Авельца

Глубокоуважаемый Господин Генеральный Секретарь,
в продолжение нашего разговора направляю Вам записку относительно текущего положения дел в переговорах с «Сан Энерджи». Благодаря Вашему вмешательству мы смогли сдвинуться с мёртвой точки: угроза инспекции территорий Южного Китая, на которых реализуется (или делает вид) проект «Лазарь», их напугала: они готовы уступить «S-Group» 50 % «Лазаря», сохранив за собой напрямую 30 %, а остальные 20 % вывести на рынок. Там они попытаются перекупить активы своими теневыми дочерними компаниями. Естественно, они требуют полных гарантий для своих директоров-кураторов «Лазаря», так что решение о привлечении комитета по социальным реформам г-жи Онассис вызывает у них тремор. Я распорядился продолжать переговоры: мы увеличим базовую стоимость пакета в три раза, а в качестве гаранта сделки привлечём «АмеригоПлас», но я не намерен оставлять им даже 0,1 % от «Лазаря».

То же касается и назначения Вашего нового комиссара по делам Китая – я полагаю, именно на нём должна лежать ведущая роль в будущей реконструкции Китая. Как Вы и сказали на нашей встрече, этот ответственный пост должен занять новый человек, на которого ни «Сан Энерджи», ни Азиатский союз не смогут надавить.

У меня есть три предложения по кандидатам:

<...> Номер 3 – Тэкера Акияма, 37 лет, депутат Палаты советников (верхней палаты парламента) Японии, заместитель председателя партии «Северный Выбор», министр экологии теневого кабинета. В прошлом – депутат Генассамблеи от Японии, советник комиссара Организации по энергетике.

Назначение представителя Азии будет красивым жестом. Формально являясь фигурой от Азии, Акияма целиком лояльна Северному альянсу и Организации. Во время работы в комиссии по энергетике она хорошо изучила вопрос «Сан Энерджи», и агенты корпорации не смогли с ней договориться. Её молодость пойдёт на пользу – она возьмёт на себя функции публичной фигуры, а я смог бы корректировать результаты её работы.

Искренне Ваш,

Ленро Авельц

Приложение: Справка ОКО

Тэкера Акияма

Возраст: 37 лет

Вероисповедание: синтоизм

Семейное положение: замужем, детей нет

Сведения о муже: Мэмору Акияма, 43 года, журналист, инвестор, член правления НК

Родилась в Токио, в семье Абэ. Отец – депутат парламента от Либерально-демократической партии, дважды министр здравоохранения, дважды министр иностранных дел. Мать – канцлер Глобального университета Токио.

Окончила Политическую академию Аббертона, после общепрофильного собеседования назначена советником комиссара Организации по вопросам энергетике, Виктора Борга (дал положительную характеристику). Во время работы в комиссии много времени провела в Азии, работала с «Сан Энерджи», курировала строительство термоядерных электростанций в Юго-Восточной Азии и вопросы энергетической безопасности Индии. Данных о контактах с «Сан Энерджи», помимо рабочих, не имеется. Раз за разом указывала, что зависимость энергетике региона от единственной ТНК создаёт ситуацию, при которой данная ТНК обладает чрезмерным влиянием и будет способна игнорировать директивы Организации.

Позже подобная точка зрения исчезает из её докладов.

В начале второго срока Мирхоффа Тэкера вышла замуж за Мэморю Акияму, изменила фамилию и избралась в парламент страны. После четырёх лет работы в Токио направлена членом делегации в Генеральную Ассамблею. Вошла в комитеты по энергетике и азиатской интеграции. Более сорока часов выступлений с трибуны, около 32 внесённых законопроектов, 27 – принято.

Во время Шанхайского кризиса публично поддержала действия Мирхоффа, в частной переписке указывала на «чрезмерность военного вмешательства». Как один из лидеров «Северного Выбора», отстаивает приверженность глобальному порядку и выступает против реформы Устава. В японских СМИ характеризуется как горячий противник «джонсизма».

После потери «Северным Выбором» большинства сохранила кресло в парламенте и заняла пост в теновом кабинете министров. Регулярно выступает с критикой правительства Азиатского союза в отношении Китая. Виновником Шанхайского кризиса называет ТНК «Сан Энерджи», от критики Организации уклоняется. Текущую политику Организации в регионе оценивает негативно, полагая, что Организация «добровольно отступает».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.